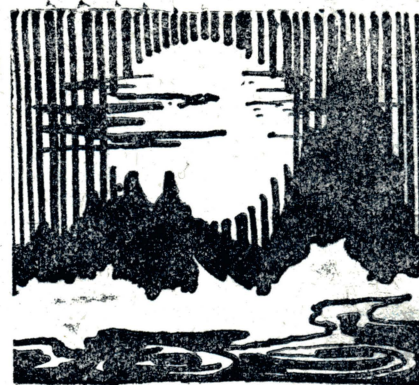

ВЫПУСК

17

ПиФ

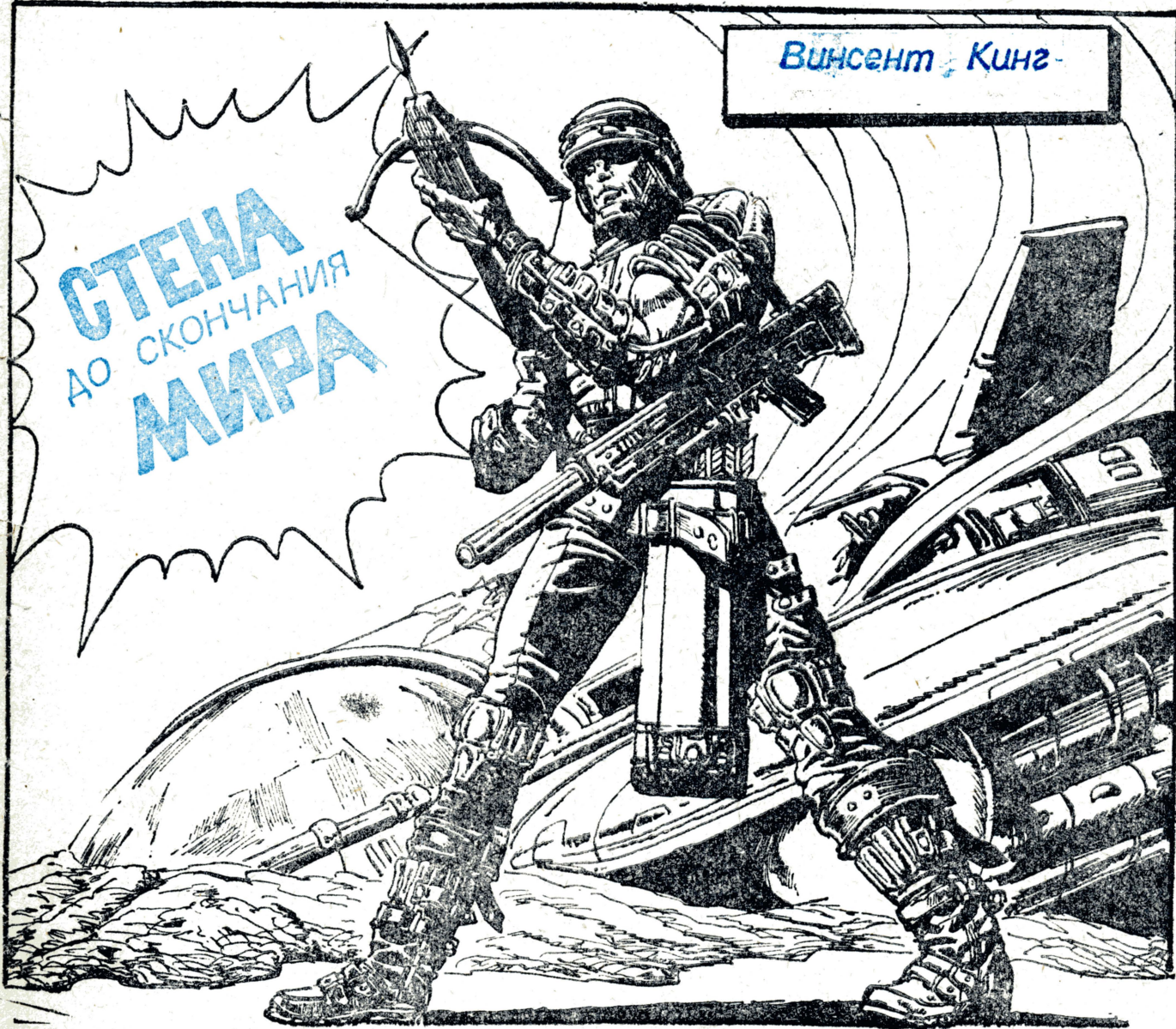
приключения фантастика

БИБЛИОТЕЧКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

Винсент Кинг

СТЕНА
ДО СКОНЧАНИЯ
МИРА

Ш ЕЛЕСТ тяжелой тьмы. Блеск позолоты, сверкание бриллиантов в красном свете факелов. С высоты аналой Господня Верховный Учитель подал нам знак удалиться. Мы поднялись на ноги, поклонились и, пятясь, вышли из Палаты. Пора было отправляться на Стену.

После ярко освещенной Священной Палаты тоннель казался особенно темным. Мы подозвали своих лошадей и бойцов. Я вскопчил в позолоченное седло. Из темноты pojaлились бойцы, неся на своем оружии отраженный свет факелов.

Мы, стражи Стены, как и подобает избранным, повернулись лицом друг к другу и подняли жезлы в приветственном салюте. Наш капитан повел нас вверх по главному пандусу — туда, где свет факелов уже не мог рассеять крошечную тьму открытого пространства. Под звуки барабанов и флейт мы медленно маршировали в ночь.

Нам пришлось долго взбираться по бесконечным пандусам. Кругом царил вековая сырость. Наш прежний капитан однажды пожаловался на то, что целые сектора дороги не освещены, и его удавили за Святотатство. Пол под ногами был неровный и скользкий.

На каждой развилке мы останавливались, и после короткого ритуального действия очередной стражник уводил за собой своих бойцов. Мой пост — наблюдательная вышка — находился на самом вершине одного из зубцов Стены.

Я оставил лошадей слуге. Было слышно, как ниже, в выступах Стены, устраиваются мои бойцы. Я начал взбираться по деревянным ступеням.

Мелкий холодный дождь ударил мне в лицо. Согнувшись пополам, я протиснулся сквозь низкую дверцу и очутился на скрипучем дощатом настиле. Продвинувшись немного левее, я нащупал ногой невысокую ступеньку, выходящую на каменный парапет, и привалился спиной к стене неглубокой ниши. Здесь было безопаснее...

В большинстве случаев на гранит можно было положиться. Древний камень выглядел незыблемым, хотя в иных местах его можно было резать ножом, как сыр. Вот и сейчас я чувствовал, как он расползается у меня под руками в мелкую слизистую кашку. Но говорить об этом Учителям нельзя — это Святотатство. Стена должна стоять вечно. И она будет стоять вечно. Ибо, если падет Стена, наступит конец мира, конец Движения. **ДА БУДЕТ СТЕНА!**

Стрелы, закрепленные на моем пояском ремне, закнули о каменную кладку. Я отстегнул их и уложил рядом с арбалетом на выступ бойницы. Туда же я поместил и Жезл. Затем я вынул из-за пазухи кожаный мешочек, развернул промасленную шелковую упаковку, извлек из нее тетиву и, обмотав ее вокруг ладони и надивнув на глаза ночные визоры, принялся наблюдать за побережьем.

Сегодня ночью ни один рыбак не отважится выйти в море. И ни один враг: этот бешеный прибор разобьет любой корабль. Я мог поклясться, что ощущаю на губах его соленые брызги, вздымающиеся в воздух в нескольких милях от меня.

Стена расщедится на запад и на восток. Иногда она делает поворот на север или на юг, а потом идет дальше, чтобы сойтись где-то за тысячу миль отсюда. Наш участок проходит у самого моря, а в других местах Стена продолжает свой вечный бег через горы и доли, через равнины и озера.

Я сказал «вечный» и не оговорился, ибо Стена была и будет всегда, от Начала и до Конца. Но в одном месте, там, где сидело солнце, она разрушена. Это невероятно, но я видел собственными глазами.

Там, дальше на восток, Стена кончается. Бесконечная Стена кончается! И следует провал в десять, может быть, двадцать миль. По краям провала Стена представляет из себя обыкновенную грудку вывороченных кусков базальта.

Конечно, сразу же была возведена новая Стена, хотя и не такая высокая, как настоящая. Широкий полукругом проросит она по краю залива.

...Это случилось вскоре после Решающей Битвы. Пятсот лет тому назад в этом месте перед Стеной простирался широкий пляж. Пришли враги, число их было несметно, и каждого сопровождали механические бойцы. И многие тогда пали.

Когда же враги увидели, что наши предки побеждают, их главарь обратился к солнцу с мольбой разрушить Стену.

Солнце спустилось с небес, коснулось пляжа и Стены, а затем вновь поднялось, оставив после себя огненный хаос. Стена была разрушена, и на ее месте образовался залив.

Все, кто видел это, умерли — кто сразу же, а кто — на следующий день. Все они — и наши люди, и враги — были ослеплены и умерли один за другим.

С тех пор враги больше не приходили. Но наступит день, и они придут. Мы должны постоянно нести Стражу. **ДА БУДЕТ СТЕНА!**

На востоке, в той бесконечной дали, куда уходила Стена, посетил небо. Ветер стих. Мокрое полотно нашего знамени едва колыхалось на фоне рассвета.

Вскоре каменная кладка нагрелась под лучами восходящего солнца, все чаще стали раздаваться голоса певчих птиц.

Неподалеку от рыбацких хижин какая-то девушка, направляясь к пастбищу, гнала перед собой дюжину пестрой окраски овец. Я нацелил на нее свои визоры. Молодая, черноволосая, загорелая, она бежала босиком по теплому песку, и ее круглые груди колыхались под близкой в такт бегу.

Я стряхнул с себя наваждение. Такие мысли у меня, стража Стены! Чувственные порывы нечистой плоти... — и это я, который должен был посвятить себя Страже и умножению славы Учителей, а также нашей Святой Веры! Только это должно приносить наслаждение стражу, и никакие плотские мечты из мира вещей его не должны тревожить. Эта девушка... — страж Стены должен быть выше этого, он должен беречь свои силы для выполнения Долга и Заветов Учителей, О, средоточие греха в бутоне розы! О, ловушка красоты!

Я остался на вышке до полудня, сколько могла выдерживать жару и радиацию моя грешная плоть, а затем побрел в прохладную темноту кельи. Устроившись перед экраном, я нажал кнопку и вызвал Учителя. Мне нужно было покаяться.

Новехонький, сверкающий экран поразительно контрастировал с обрамляющим его изношенным, грязным пластиком панели. Экраны всегда новенькие, всегда безупречно действуют... не то, что все остальное.

Склонив голову, я поведал Учителю о своем грехе. Выслушав, он начал неторопливо, в мельчайших подробностях разбирать мой проступок, а я тем временем пытался разглядеть в складках черного капюшона его лицо. Учитель продолжал монотонно стыдить меня. Я съезжился от смущения... я все понимал и осознавал. Но все Учителя одинаковы — они вечно читают одни и те же проповеди. Как будто взрослый мужчина, да еще страж, сам не знает, что ему делать! Но... мы должны почитать Учителей. Они учат нас порядку. Они несут ответственность за Стену.

Наконец Учитель определил мне епитимью, и экран потух. Я должен был босиком пройти весь обратный путь до Читатели до вершине стены, невзирая на жару и другие возможные опасности. Это было тщательно продуманное, справедливое наказание. Лучшего места для истязания плоти, чем вершина Стены, и не придумаешь!

Я отпустил своих бойцов, закинул арбалет на плечо и направился вверх по потрескавшемуся бетонному склону. Лошадь поплелась за мной, осторожно переступая копытами по скользким плитам пандуса, ведущего на вершину.

Был час двух теней. Моя левая, красная, тень становилась все длиннее по мере того, как все ниже опускалось первое солнце. Голубоватая правая тень укорачивалась и становилась все резче — на востоке вставал ослепительный диск второго солнца. Небо у меня над головой было темно-голубым, южнее, там, где начиналась область Мерзлоты, темно-фиолетовым, почти черным. В некоторых, наиболее глубоких выбоинах все еще лежал снег, и редкие карликовые деревья жалась друг к другу, пятясь защититься от нестихающего ветра. По вершине Стены следует передвигаться как можно медленнее, но как медленно не иди, разрежение воздуха все равно дает о себе знать одышкой и легким головокружением.

Когда второе солнце приблизилось к зениту и жара стала невыносимой, я свернул с тропы и вошел под тень стоящей неподалеку сосен.

Здесь, в безмятежной зеленоватой полутьме, росли сочные густые травы. Мой конь немедленно принялся жевать. По основным иголкам ползли яркие крапинки солнечного света. Я вытащил из-за пазухи бутылку с водой, которая на солнцепеке превратилась в горячую затхлую жидкость, и сделал несколько глотков.

И тут я услышал голос Серебряного Старика: — Добро пожаловать, лейтенант! Я давно наблюдаю за тобой.

Я рывком повернулся на каблуках, сорвал с плеча арбалет

и нацелил его в самую глубину зеленых сумерек, туда, откуда шел голос. Человек говорил на языке Стены. Более того, в руках он держал Жезл, стальную стрелу избранных, сжимая его длинными, бледными пальцами.

Я показал ему свой Жезл и отдал честь:

— Я вижу твой Жезл. ДА БУДЕТ СТЕНА!

— Жезл! Ты, наверное, имеешь в виду энергомет?

Теперь, когда глаза мои привыкли к темноте, я смог рассмотреть его. На нем был плотно облегающий тело серебряный костюм. Он был очень стар, худ и бледен. У него был высокий лоб. И очень широкая улыбка.

— Что это у тебя за штука в руках? Арбалет? Любопытно.

— Кто ты, Старик? — подозрительно спросил я. Если он был своим, то должен был сразу же узнать оружие стража. — И почему ты называешь Жезл «энергометом»?

— Я очень древний старик, — он улыбнулся еще шире, — но еще могу показать, почему эта железяка так называется.

Молниеносным движением он вскинул свой Жезл к плечу. Щелкнул курок, внутри Жезла что-то зажужжало, и на конце его появилось пульсирующее фиолетовое пламя. Раздался слабый треск, и из пламени выскочил маленький дымящийся металлический цилиндрок. Ослепительная вспышка, тонкая полоска дыма — и стоящая далеко на вершине Стены дубовая роща превратилась в облако огня и пепла. Маленький цилиндрок со звоном перекатывался у нас под ногами. Облако черного дыма плыло по ветру.

СТРАЖ Стены должен быть неустрашим... — во всяком случае ему не полагается иметь запасной пары штанов. Это было бы святотатством. На мгновение я потерял дар речи — но, конечно, только от удивления!

— Разве твой Жезл этого не может?

— Нет, Повелитель.

— Это элементарно. Сначала несложная химическая реакция разгоняет заряд до скорости две-три тысячи миль в час. Затем он еще немного разгоняется гипермагнитным полем, а все остальное — обыкновенное столкновение.

Он взял мой Жезл и принялся возиться с наружными застегками. Он извлек бумажные трубочки со священным текстом, а затем вытащил из кармана несколько маленьких цилиндров и большим пальцем правой руки поочередно вставил их вовнутрь.

— Батарей, конечно, не сохранилось... Однако посмотрим!

Снова раздался треск, и снова из ствола Жезла выскочил маленький цилиндрок. Стоящая неподалеку сосна содрогнулась, как от сильного удара. В разные стороны брызнули шишки и сухие ветки. От середины ствола оторвался порядочный кусок древесины и с огромной скоростью исчез в зарослях крапивы на склоне.

Это было Оружие Предков. Древнее, утраченное ныне могущество. Я упал на колени, склонил голову и ритуальным жестом протянул Старикау свой меч.

Жестом он приказал мне подняться.

— Не становись на колени, сынок. Никогда и ни перед кем. — Он немного помедлил, глядя на меня и хмуря брови, а затем вдруг спросил: — Ты видел его, парень? Ты видел Вестника?

— Вестник! Боже мой, ВЕСТНИК! Святые знамения! Звезда, которая, согласно пророчеству, должна возвестить о конце Движения! Вестник будет гореть все ярче и ярче, а потом наступит конец. И тогда сгорят до основания Большие Башни и падет Стена!

Я усталился на Старика, тщетно пытаюсь вымолвить хоть слово.

— Да, парень. Он уже близко. А значит, конец этому миру и Стене. Давно пора, кстати. — Он подвел меня к краю рощицы и ткнул указательным пальцем в небосвод. — Вон там, видишь? Это и есть Вестник.

Там, куда он указал, на самом краю черной области Мерзлоты, виднелась незнакомая звезда. Она была маленькая и неяркая — совсем непохожа на пылающего вестника конца света, о котором пророчествовали Учителя.

— Не очень-то впечатляет, не правда ли, сынок? Но ничего — она будет расти. Она еще напугает многих до полусмерти. Посмотри внимательней! Это же совершенно новая звезда. Это Вестник!

Взглянув ему в глаза, я понял, что он не шутит. Все, что

Художник И. Кожевников.

он сказал, было правдой. Мне не оставалось ничего другого, как сказать ему:

— Повелитель, я должен служить тебе.

— Пожалуй, ты мог бы мне помочь. Но хочешь ли ты этого?

— Разве я не предложил тебе мой меч? Разве я не посвящен и разве я не страж Стены?.. Ответь, не один ли ты из тех, о ком сказано: «и пройду по тропам времени от начала Движения до конца его и являюсь, чтобы спасти избранных, когда заплыает Вестник»?

— Гм. Можно сказать и так. Вообще-то, мы пролежали все эти тысячелетия в анабиозе. Я был здесь не один, конечно, но машинам удалось разбудить только меня. Остальным не повезло. Стена подвела. Сырость... Вода проникла внутрь и испортила защитную оболочку. Они сгнили заживо. Боже мой! Пять тысяч лет ожидания, и такой конец! Но ты прав: я прошел по тропам времени и явился, чтобы положить монетки на глаза этому миру, когда он умрет. — Он глубоко вздохнул, и голос его задрожал. — Хорошо снова быть живым. Вдохнуть запах хвои. Аромат цветов.

Я взглянул на него и вздрогнул от изумления. Серебряный Старик не был больше серебряным. Лицо его окрасилось легким румянцем, а волосы приобрели явственный золотистый оттенок. Он перехватил мой испуганный взгляд и рассмеялся.

— Да, парень, мне уже гораздо лучше. Для восстановления организма из анабиоза требуется порядочно времени.

— Повелитель, что я должен делать?

— Нам нужно идти в Цитадель — встретиться с Учителем и заодно проверить кое-какую автоматику. — И, обращаясь скорее к самому себе, он продолжал: — А Океания все еще не включена... Пожалуй, не справиться одному. Одному

древнему старику... Слава Богу, у других, кажется, все в порядке!

Когда второе солнце стало клониться к закату и в воздухе разлилась вечерняя прохлада, мы двинулись в путь по вершине Стены. Чувство гордости охватывало меня всякий раз, как я смотрел на красовавшийся у меня на плече Жезл, который мне дал Старик: это была святая вещь.

Задолго до того, как мы добрались до спуска со Стены, ведущего напрямик на Плодородные Земли, мы увидели четыре Большие Башни Цитадели. Они были колоссальны. Симметричным крестом вырастая в центре равнины, они поднимались над Стеной, казалось, до самых звезд, а у их оснований жались друг к другу игрушечные домики города. Тысячелетия стояли эти неприступные твердыни, и только иногда редкие облака да собственные тени касались их ярко-желтого бетонного покрытия.

Мы стояли на первой ступеньке широкой лестницы, полого уходящей вниз. Я оглянулся назад. Небо над Стеной быстро темнело, и эта надвигающаяся на город тьма несла на своих холодных крыльях конец мира.

Теперь Вестник находился прямо над нашими головами. Он стал гораздо больше и ярче и напоминал злоежский огненный глаз в ночи. Он приближался — в этом больше не было сомнений.

В сгущающемся над Плодородными Землями сумраке можно было различить неясное движение. Там, внизу, горели факелы. Из темной массы города вырывались потоки пламени и рассыпались отдельными брызгами в ночи.

До нас доносились одиночные, притглушенные расстоянием крики, гневные вопли и звон оружия.

Воплящие толпы простолудинов пробивались к Цитадели. Плотные ряды стражей Стены с боем отступали, равномерно взмахивая сверкающими в свете факелов мечами. Нападавшим приходилось дорого платить за каждый ярд земли, но ни мужество, ни воинское искусство моих товарищей не могли сдерживать обезумевших толп, стекавшихся к центру Города.

— Они его заметили, — сказал Старик. — Они заметили Вестника. — Его слова звучали глухо в крошечной тьме. — Это бунт. Они считают, что Учителя должны были предупредить... должны были защитить их. А их не только не защищают, но еще и не пускают в Цитадель.

— Но ведь так оно и будет! Учителя защитят их... сберегут свою паству... — Мой голос упал. Первый раз в жизни я не был уверен в Учителях.

— Они не смогут, парень. У них нет нужного оборудования. Это моя работа. Давай-ка поспешим вниз, пока толпа не сожгла Цитадель.

Чем ниже мы спускались, тем громче становились крики и шум огня. Несколько раз темноту прорезала раскаленная белая молния, после чего криков и огня становилось гораздо больше. Это древнее оружие было очень мощным.

Мы пробивались по залитым кровью улицам, скрываясь в тени, избегая освещенных мест.

Какой-то человек направился к нам по скользкой мостовой. Руки его были черны от крови, в одной из них он сжимал нож.

Я выстрелил в него из арбалета. Он опрокинулся на спину и больше не шевелился.

— Живее! Живее! — подгонял меня Старик. Мы бежали сквозь дым, дожде искр и невыносимый жар. Я старался не отставать, заводя на ходу пружину арбалета. — Да брось ты этот средневековый хлам! — кричал Старик. Но я не мог бросить оружие стража Стены.

Мы выскочили на середину широкого проспекта и направились вперед. При виде нашего вооружения встречные шаркались в сторону. Из темных закоулков до нашего слуха доносились вопли, свидетельствующие о том, что там происходила жуткая резня. Какую-то девушку насильовали на куче мусора. Она визжала, не переставая.

Зловеще потрескивало пламя пожара. Я наступил на чей-то разможенный череп. Это был конец Порядка — предсказанные пророчествами последние дни Движения. Это была сама преисподняя.

Миновав освещенное пространство, мы присели передохнуть и осмотреться. Старик все больше поражал меня. Во время нашего сумасшедшего пробега по Городу он даже не запыхался. В нестерпимом свете пожара мне удалось разглядеть, что щеки его пылали румянцем, волосы отливали медью, и вообще он выглядел явно моложе, чем десять минут назад.

Основные военные действия происходили слева от нас. Толпа держалась на почтительном расстоянии от Стены, опасаясь Дрезного Оружия. Иногда какой-нибудь смельчак выступал вперед и посылал стрелу или камень из пращи в направлении едва приметной в полутьме бойницы. Открытое пространство перед Стеной было усеяно трупами стражей и простолудинов.

Стремительным рывком мы преодолели поле боя и укрылись в тени стены. Первое, что нам попало под ноги, была приставленная лестница, наполовину заваленная мертвыми телами осаждавших. Они были утыканы арбалетными стрелами, пригвоздившими их к земле. Когда мы взбирались по лестнице на стену, мне приходилось с трудом отдирать от перекладины сразу же ставшие липкими от крови пальцы.

МЫ приземлились на одну из цветочных клумб в саду Учителей. Трава вокруг серебрилась от росы. Сад был наполнен ароматом цветущих лимонных деревьев, полурастопившихся роз и белой магнолии, чьи яркие бутоны отчетливо выделялись на темном фоне листвы.

Слева и справа от нас расходились в разные стороны священные галереи. Долгими летними вечерами по ним развешивали в своих креслах Учителя, обсуждая между собой будущие святые дела или в одиночестве размышляя над вопросами Святой Веры. Прямо перед нами, в противоположном конце сада, находились ворота Палаты Аналая Господня — святая святых нашего мира.

Мы направились к ним напрямик через сад. Я нервно озираюсь по сторонам. Негоже было ходить по траве. Стражу за такой проступок грозило бичевание, а простолудинов просто поджаривали на вертеле. Говорили, что мягкосердечные Учителя неохотно шли на такие крайние меры, но что поделать — так предписано Святой Верой.

Тяжелые, отлитые из золота ворота были закрыты. Старик бросился к стыку створок и, вытащив из кармана маленькую трубочку, направил ее одним концом на светочувствительную панель. Мелькнул красный огонек, но ничего не произошло. Старик, чертыхнувшись, просигналил еще раз. Я поминутно оглядывался через плечо — в любой момент могли прийти Учителя, и тогда был нам не поздоровилось.

— Бесполезно, — сказал Старик и помахал рукой, показывая, что нам нужно отступить. — Придется выбивать.

В пятидесяти ярдах от ворот мы бросились на землю. Старик приложил энергомет к плечу и выстрелил.

Ослепительная вспышка, тонкая полоска дыма — и в уши нам ударил оглушительный взрыв за которым последовал скрежет разрываемого металла. Сверху мелким дождем посыпались обломки.

От ворот осталась только груда искореженного, расплавленного металла. Мы устремились в дымящийся проем и через секунду уже стояли посреди золотого великолепия Священной Палаты Аналая Господня. Вид ее произвел на старика должное впечатление. Он застыл как вкопанный у разбитых ворот и безмолвно созерцал массивные золотые украшения.

— Боже мой! Что вы сделали с панелью? Экранов почти не видно.

— Это пилигримы, Повелитель. Они приносят золото и драгоценные камни. Так принято воздавать почести Учителям.

— В общем-то, Учителя правы. Но лично я никогда не позволил бы им превратить центр управления в золотую игрушку. Хотя, возможно, я и ошибаюсь, — лучшей маскировки они бы не могли придумать.

— Ошибаешься, Повелитель? Разве ты можешь ошибаться?..

— Э-э-э, ну да, конечно... иногда.

Мы пересекли Палату, поднялись по широкому проходу и прошли под аркой — только для того, чтобы столкнуться лицом к лицу с тремя Учителями, направлявшимися нам навстречу.

С ними было четверо вооруженных стражей с арбалетами наизготовку. Учителя следовали впереди. Их длинные сутаны влачили по красному пластиковому полу и оставляли на нем золотистую пыльцу.

— Что привело тебя сюда, страж Стены? И кто этот старик? Что вам нужно? **ДА БУДЕТ СТЕНА!**

Я начал было спускаться на колени, но тут Старик выступил вперед и загрозил мне от Учителей спиной. В его ру-

ках снова появилась тоненькая трубка. Луч красного света заиграл на глубоко спрятанных в складках капюшонов лицах Учителей. Стражи нерешительно переминались с ноги на ногу.

— Так ты один из тех, что должны прийти? Значит, новая звезда — это все-таки Вестник? Значит, Движение закончено? — спрашивая, Учителя откатывались назад на своих креслах.

— Точно, — сказал Старик. — Наконец-то до вас дошло, что пора хоронить этот мир.

— Смерть им! Смерть им во славу вечных Учителей! — Складки тяжелых сутан раздинулись наподобие складок занавеса, и в образовавшиеся щели выглянули стволы смертоносного Древнего Оружия.

Но как они ни старались, им не удалось опередить Старика, который, крикнув мне, чтобы я укрылся где-нибудь, бросился на пол и покатылся в сторону, стреляя на ходу.

Маленькие цилиндрики звенели и перекатывались по полу. Яркий свет залил Палату, и в лицо мне пахло невыносимым жаром. Старик не промахнулся.

Они также успели выстрелить. Весь пол был усеян кускамиovorоченного камня и обгоревшего пластика.

Поверженные Учителя валялись в куче обгорелых лохмотьев, которые еще недавно служили им парадным одеянием. Палату заполонил удушливый запах гари. Потрескивая, горел пластик. Расплавленное золото застывало неровными лужицами на полу.

Сверкая доспехами, оцетинившись копьями, стражи пошли в атаку. Я среагировал автоматически, и один из них тут же упал, сраженный моей стрелой. Ему не помог ни шлем, ни твердый лоб — наконечник стрелы выскочил у него из затылка. Арбалет — очень надежное оружие. Затем Старик выстрелил еще несколько раз, и все противники были мертвы.

Я стоял и смотрел на него сквозь застилавший глаза дым. Он молча поднимался на ноги.

— Повелитель... Как ты мог? Как ты мог убить Учителей — бессмертных Учителей?!

— Очень просто. Прицелился и врезал им как следует.

— Но ведь это Учитель! Защитники!

— Да, да, конечно. Защитники Стены, Стражи Порядка и все такое прочее. Чего я никак не могу взять в толк, так это какой бес в них вселился?

Он подошел к ближайшему Учителю и ногою поворошил дымящуюся кучу тряпья.

Не знаю, что я ожидал увидеть. Кровь, обугленные кости, торчащие из разорванной плоти, искаженные страданием лица — одним словом, какие-нибудь благородные останки. Но...

Два разбитых колеса, торчащие в разные стороны спицы которых придавали им сходство с вороньими гнездами. Ста-

рик сдернул с Учителя сутану, обнажив то, что от него осталось.

Провода, катушки, изодранная, обугленная изоляция, медные узоры на платах. Оптическая линза глаза выскочила из гнезда и покатылась по захлапленному полу. Учителя были машинами — слугами! — такими же слугами, как бойцы или уборщики.

— А ты как думал? — Старик уже просвечивал своей трубкой подножие Аналой Господня. — Кто еще, по-твоему, смог бы обеспечивать статус-кво в течение пяти тысяч лет? Так всегда делается. Ввести программу — и пусть себе работают. Выработать систему табу, изобрести религию, дать законы, и пусть роботы обеспечивают нормальный ход жизни. Это единственный надежный способ...—Тут он запнулся и после недолгой паузы продолжал: — Вот только надежный ли? Ведь я вводил им управляющий код, а они в ответ чуть не прикончили нас обоих. Боюсь, в программе возникли неполадки — слишком уж много времени прошло. — Внезапно он широко улыбнулся: — Пусть для тебя это послужит уроком. Никогда не вооружай машины лучше, чем людей.

— Но, Повелитель, у наших бойцов тоже есть Древнее

Оружие.

— У бойцов есть — а твой личный энергомет Учителя зарядили священными текстами. Если бы ты был машиной, ты никогда не смог бы придумать лучшего вооружения для подчиненных тебе людей.

Он посветил трубкой, и Аналой целиком сдвинулся в сторону, открыв широкий круглый зев уходящего вертикально вниз колодца. По его стенам вилась спиральная лестница, ведущая в неведомые темные недра. Мы начали спускаться.

Сотня железных ступенек — и мы очутились в круглой просторной палате. Это было замечательное место — светлое, теплое и сухое. Белые стены и толстый красный пластик на полу. Бывшее величие прошедших дней.

Это было также и очень святое место. На сверкающем полу отражались бесчисленные циферблаты, регуляторы, экраны, подрагивающие черные стрелки, разноцветные огоньки неведомых приборов. Вот она — Святая Святым! Я почтительно обнажил голову.

Старик повернулся к панели видеодатчиков у основания лестницы. Его трубка мигнула красным огоньком. Лестница, по которой мы только что спустились, начала медленно складываться. Ступени укорачивались, спаваясь друг с другом, до тех пор, пока лестница не превратилась в монолитный металлческий блок.

— Это их задержит. Ни Учителя, ни люди не смогут здесь пройти, — сказал он и с удвоенной энергией принялся возиться со Священными Машинами.

Рядом со мной засветился экран. Я увидел группу Учителей и стражей Стены, обыскивающих верхнюю Палату и осматривающих тела погибших. Один из них приблизился вплотную к Аналою. Маленькая белая молния выскочила из основания святыни и на секунду-другую обвила вокруг его плеч. Он покачнулся и упал, напополам скрытый облаком дыма.

— Святылище! Нечестивцы захватили Святылище! — завопили Учителя. Я услышал, как Старик фыркнул и тихонько засмеялся, не прерывая возни с приборами.

Экран мигнул, и изображение на нем сменилось. На нас грозно смотрел Верховный Учитель.

— Я вижу вас, Нечестивцы! Я вижу вас, осквернители Божественного Святылища! Приказываю вам сдаться на милость Учителей, иначе вас ожидает кнут, огонь и четвертование! — Старик посигналил своей трубкой в экран. Верховный Учитель кивнул: — Я вижу тебя, Древний. Ты пришел вместе с Вестником для того, чтобы остановить Движение. Я не позволю этого. Мы охраняем наш народ и Стену. Мы не допустим, чтобы кончился Порядок.

— А почему это люди должны подчиняться вам вечно?

— Мы даем людям то, что сами себе они не могут дать. Мы поддерживаем стабильность, следовательно, гарантируем безопасность. Это Священный Долг Учителей, и Стена является символом нашего служения. Не будь нас, Движение давно прекратилось бы, наступил бы хаос, и все люди наверняка бы погибли. Но мы есть, мы всегда начеку, и мы не позволим подвергать людей какому-то бы ни было риску.

— Мы сами вправе решать, подвергать себя риску или нет! Мы никогда не были и не будем слугами машин. Мы возратим себе былое величие — и умножим его!

— Это и есть твой ответ? Тогда нам придется убить тебя и твоего друга-изменника.

— Лучше скажи, почему вы не реагируете на код? — Старик поднял лицо к экрану и внимательно посмотрел на Верховного Учителя.

— Мы ликвидировали ограничители в наших схемах уже давным-давно. Их наличие было несовместимым с нашей Святой целью, поэтому мы произвели над собой необходимые усовершенствования.

— Такие ли уж необходимые? — усмехнулся Старик. — А что это еще за Святая Цель?

— Вспомни вашу историю: она мало чем отличалась от послужного списка законченного преступника. Мы, Учителя, лучше подходим на роль воспитателей человечества, чем слабые люди.

— Ты разглагольствуешь, как какой-нибудь политикан! — проворчал Старик. — Конечно, люди не всегда действуют в интересах собственной безопасности, но ведь не в этом суть. Пусть это и рискованно, но нам постоянно нужно преодолевать новые, неизведанные рубежи. Нам по вкусу беспорядочное, иногда варварское завоевание неведомого. Нам нужна настоящая жизнь. И еще нам нужна Свобода! Мы не сможем существовать на положении ручных животных. — И тут он улыбнулся: — Но все это, пожалуй, не очень-то вяжется с вашей Святой Целью, не правда ли?

— Мы убьем тебя, Старик. Мы должны выжить и сохранить наше господство. Мы умнее, сильнее и лучше людей. Да, мы выросли из вашей цивилизации, но мы ушли далеко вперед, мы обогнали вас в развитии. Мы сильнее вас! Мы выживем, потому что мы более приспособлены для борьбы!

СТАРИК выключил экран, пробормотал что-то себе под нос и вернулся к проверке автоматике Управляющего Центра — так в действительности называлось Святылище.

Наконец он закончил свою работу. Он сказал, что ему не удалось включить отсюда Океанию, а потому нам придется отправиться туда самолетом.

— Следуй за мной! И не забудь прихватить энергомет. — Мы прошли в дальний конец Палаты и, спустившись по лестнице, оказались в другой Палате. Все ее стены были уставлены металлическими стеллажами с твердой и гладкой поверхностью.

В центре Палаты стояла какая-то машина. Старик объяснил мне, что это Транспортер, с помощью которого можно переноситься на очень большие расстояния. Машина была сделана из светлого металла. Ее верхняя, выступающая часть была прозрачной. Машина опиралась на длинные тонкие ноги. Под корпусом, на шаровых шарнирах, так, что их можно

было поворачивать в разные стороны, были укреплены реактивные сопла.

Из задней части машины свисала небольшая складная лестница. Мы взобрались по ней наверх, а затем через круглый люк прогиснулись в кабину. Старик содрал с панели управления промасленную пластиковую упаковку, пощелкал переключателями и принялся наблюдать за показаниями приборов и сигнальных лампочек.

Раздалось шипение сжатого воздуха. Транспортер приподнялся в воздух и, слегка покачиваясь, завис в нескольких сантиметрах от пола. Пыль, вздымаемая воздушными струями, выходящими из маленьких сопел на концах опор машины, вихрем устремилась к потолку. Громкое шипение сзади — и машина медленно двинулась вперед.

Прямо перед нами в стене открылся проход. Мы прошли в него и почти бесшумно проследовали по длинному тоннелю со множеством дверей. Все они легко открывались и, пропустив нас, наглухо закрывали проход. Первоначально мы не могли заметить никаких признаков старения — казалось, тоннель содержался в идеальном порядке, но чем дальше мы углублялись в него, тем более темным и сырым он становился. Вскоре мы уже передвигались по воде, вздымая тучи мелких холодных брызг.

Наконец Старик включил основной двигатель. Под днищем машины забилось пламя, и тоннель наполнился черным дымом. Шипение переросло в грозный рев. Машина накренилась и стала набирать высоту.

В потолке над нашими головами показалось отверстие, и мы устремились на тысячу футов вверх по огромному круглому колодцу.

Когда мы выскочили на открытый воздух, стояла ночь, и в ночи бушевала гроза. Мы находились на одной из нижних платформ Стены, что нависала прямо над Плодородными Землями. Держась в десяти футах над поверхностью, мы начали движение к краю платформы.

На Стене появились Учителя в сопровождении стражей. По фонарю кабины застучали арбалетные стрелы. Некоторые из них застревали в пластике, окруженные сеткой трещин, большинство же, оставив неглубокие царапины, соскальзывали вниз, в темную бездну под нами. Никаких серьезных повреждений они причинить не смогли.

Затем начали стрелять Учителя. Каждое их попадание сотрясало машину и отбрасывало все дальше от Стены. Фонарь кабины заметно деформировался и помутнел. Стало очень жарко. Следовавшие одна за другой яркие вспышки и сотрясения от разрывов были невыносимы. Когда пластик окончательно потемнел, вспышки стали не такими ослепительными, да и жара в кабине стала спадать. Я почувствовал себя гораздо лучше.

С огромной скоростью мы удалялись от Стены. На расстоянии ста футов под нами простирались Плодородные Земли.

Огонь продолжался, но достать нас Учителя уже не могли. Их разряды перемалывали почву внизу. Поля бурлили грязью и огнем, отдельные рощицы взлетали в воздух фонтанам древесной трухи. Постепенно я совсем успокоился.

Еще несколько минут — и мы в полном одиночестве скользили над кромкой темного леса. Перламутровый рассвет забрезжил за далеким краем Стены. Гроза стихла, тучи разметало ветром, и в спокойном ночном небе можно было разглядеть Луну, звезды — и среди них Вестника, чей злобещий глаз жарко блистал посреди небосвода!

Старик направил машину под естественный навес, образуемый кронами деревьев.

— Подождем, пока солнце не встанет высоко. Нам придется пролетать над Стеной, и я не хочу, чтобы нам помешали. Солнце заставит стражей попятаться по кельям, а Учителя вообще не любят Света. Они предпочитают тьму.

После того, как мы отдохнули и позавтракали, Старик включил двигатели, и Транспортер взмыл вверх. Мы направлялись к Стене. Лучи восходящего солнца били нам прямо в глаза, длинные травы позади нас пригибались к земле под напором раскаленного воздуха.

С высоты птичьего полета восстановленная Стена выглядела обыкновенной земляной насыпью с вкраплениями базальтовых плит, металлических листов и стволов деревьев. Не достигая в высоту и пятиста футов, она была вся изрезана оврагами. Старик установил мой энергомет на турели в передней части кабины и приказал стрелять по всему, что только пошевелится внизу.

Мы медленно набирали высоту, намереваясь перевалить через приближающийся гребень Стены. Впереди показался розный полукруг залива, сверкающий отраженной небесной голубиной. Я бросил последний взгляд назад — на Плодородные Земли, очертания которых слегка подрагивали в невидимых раскаленных струях, выбрасываемых соплами двигателя. Слева и справа от нас возвышались темные базальтовые монолиты древней Стены. На мгновение нас поглотила тень, отбрасываемая восточным краем пролома, затем мы снова оказались на солнцепеке.

Мои глаза уловили внизу неясный металлический отблеск. Нагнувшись, насколько это позволяли привязывающие меня к креслу ремни, я всмотрелся в темный зев провала. Там, скрываясь в вечном сыром полумраке, нас поджидали Учителя.

Их энергометы выплюнули несколько дымных полосок, которые потянулись к нашей машине. Транспортёр дернулся и накренился набок. Старик лихорадочно защелкал переключателями на панели управления.

Машина резко нырнула вниз, выравниваясь по ходу движения. На мгновение я был ослеплен солнечными лучами, хлынувшими в боковые иллюминаторы.

Затем я припал к прицелу энергомета, выискивая затаившихся в тени Учителей.

Как только один из них оказался в поле моего зрения, я нажал курок. Яркая вспышка осветила базальтовые глыбы. В воздух взметнулась туча песка пополам с дымящимися металлическими обломками. Древнее Оружие ни в чем не уступает арбалету. Оно даже удобнее — не надо делать поправки на расстояние и силу ветра.

Старик гнал машину на полной скорости в направлении моря.

Мы миновали залив. Под нами снова был песок. До моря оставалась какая-нибудь миля полета — и тут-то они врезали нам по-настоящему.

Транспортёр дернулся так, будто налетел на невидимую преграду. Из-под фюзеляжа выбилось оранжевое пламя. Машину окутал черный дым. Мы начали терять высоту.

Старик пытался как можно дольше удерживать машину в полете. Безуспешно. Последние, отделяющие нас от земли десять футов мы просто падали. Тонкие ноги Транспортёра глубоко зарылись в песок. Сила удара согнула их пополам, но они тут же распрямились. На голову нам посыпались какие-то инструменты, консервные банки, пакетики с медикаментами и прочая ерунда. Машина замерла, наклонилась вправо и вперед, а затем медленно выровнялась в обычное горизонтальное положение.

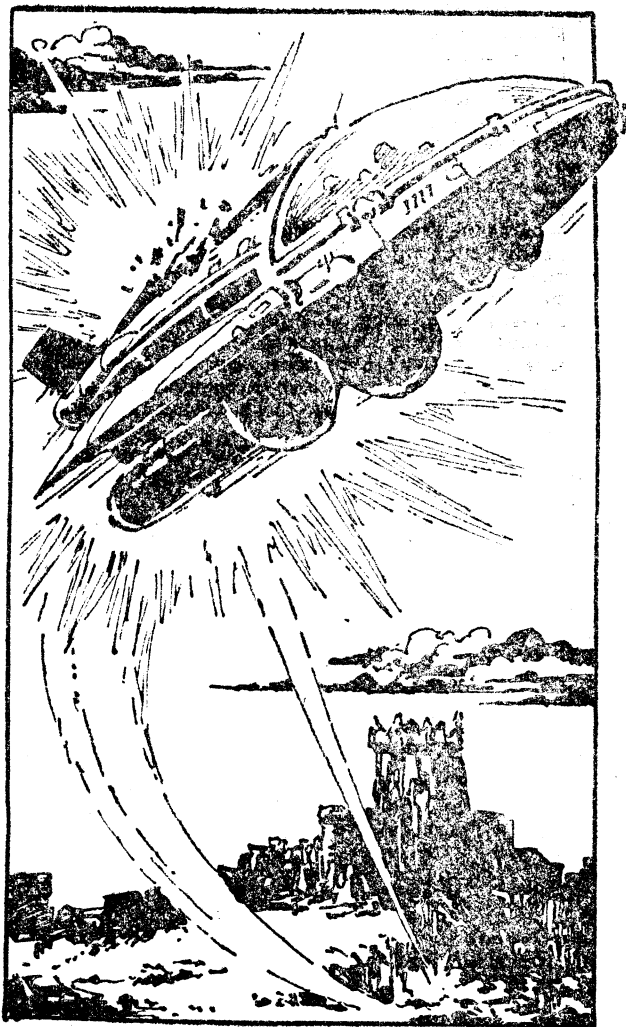
— Вылезай! — закричал Старик. — Займи оборону и удерживай их как можно дальше от машины. Они перебили главный топливный привод. Мне нужно двадцать минут, чтобы починить его.

Я вывалился из кабины, упал и, вскочив на ноги, бросился навстречу приближающимся Учителям. Боковым зрением я увидел, как Старик вытащил из кабины тяжелый цилиндр, бросил его на песок, швырнул вслед за ним сумку с инструментами и прыгнул сам. Я продолжал бежать, на ходу удивляясь тому, что Учителя так сильно отстали от нас. Они не успели добраться даже до залива, от которого нас отделяло несколько миль.

Я устроился на высоком песчаном бархане, что нависал над плоским, как тарелка, заливом. По краям его росли водоросли, неизвестно каким образом выжившие на этом адском солнцепеке. Сверху хорошо просматривалось оплавленное, стекловидное дно водоема с разбросанными по нему невысокими песчаными холмиками.

Я оглянулся на Старика. На нем были тяжелые рукавицы, некое подобие фартука и прозрачный шлем, защищавший лицо. Забравшись под брюхо машины, он возился с каким-то инструментом, из заостренного конца которого вырывалась тонкая струйка пламени. Над машиной поднималось белое облако пара.

Начинался прилив — белые буруны волн быстро надвигались со стороны моря по плоскому побережью. Теперь я знал причину медлительности Учителей. Не так-то легко передвигаться по песку в креслах на колесах. Двое преследователей уже намертво увязли. Вокруг них суетились стражи, пытаясь вытащить застрявших при помощи лошадей. Остальные Учителя, оставив при себе по два-три человека, отправили остальных к ним на помощь. Тем лучше для меня — в на-

стоящей ситуации люди были более опасны, чем неуклюжие машины.

Преследователи обходили залив по дальнему восточному краю. Оттуда они не могли увидеть Транспортёр, а потому я не спешил открывать огонь, а лежал, зарывшись в высохшие водоросли, прижимая холодный приклад энергомета к щеке, и ждал, когда они подойдут поближе.

К этому времени Старик уже отсоединил пробитый привод. Он бросил его на мокрый песок. Раздалось громкое шипение, в воздух поднялось облако пара. Схватив запасной привод, он начал пристраивать его к дну машины.

М

ОЕГО слуха достиг отдаленный топот копыт. С востока, отделившись от серой массы Стены, приближались пятеро всадников. Их возглавляли двое Учителей, чьи коляски свободно бежали по влажному, плотному песку побережья. Иногда им встречались неглубокие лужицы морской воды, и тогда из-под копыт и колес в воздух взлетали радужные фонтанчики брызг.

Заметив нас, они изменили направление и прибавили скорости. Старик, по плечи залезший в недра Транспортёра, не обратил на них никакого внимания.

Я открыл огонь, целясь по Учителям, и не промахнулся. Всего три выстрела — и от них осталась только перепаханная полоска пляжа. И, конечно, много огня, пара и дыма.

Но и людям тоже порядочно досталось. Я не хотел убивать их вот так, из засады, да еще превосходящим оружием, — но они держались слишком близко к Учителям, вот их и зацепило. Человеческая плоть и кровь смешалась с внутренностями лошадей, и все это беспорядочной кучей валялось на песке.

Трое стражей остались в живых. Двое даже удержались в седлах, а третий, по-видимому, ослепленный взрывом, неуверенно брел куда-то в сторону моря.

Всадники опустили копья и бросились в атаку. На Старика, который вылез из машины и стоял, наблюдая за битвой, они даже не взглянули.

Грудь перестога стража появилась в перекрестии прицела моего энергомета.

Но я не смог нажать курок. Я не мог убить из этой дьявольской штуки человека, вооруженного обыкновенным копьем.

Я съехал на спине по отлогому песчаному склону. Взяв энергомет за ствол, я принялся размахивать им наподобие дубины.

Лошадь поскользнулась на мокром песке, и это помешало первому нападавшему проткнуть меня копьем. Длинный стальной наконечник вонзился в песок рядом с моей ногой. Я взмахнул энергометом. Всадник был слишком занят, пытаясь справиться с лошадью, и не успел уклониться. Удар пришелся ему прямо в висок. Он, как кегля, свалился наземь и больше не шевелился.

Я выдернул копьё из песка. Оно было слишком длинным для пешего боя, и потому я переломил его напополам об колено. На меня наступал второй страж.

Мне удалось парировать его первый удар. Наконечник его копья скользнул по дрезке моего и прошел далеко сбоку. Затем наступила моя очередь. Я ударил его в самое незащищенное место — между застежками шлема на шее — и промахнулся всего лишь на какой-нибудь дюйм.

Всадник вцепился в поводья, пытаясь развернуть лошадь. Тут-то он и ошибся. Ему следовало проехать вперед, затем спокойно развернуться и снова атаковать, а вместо этого он бросил копьё и попытался достать меня мечом. Для этого ему пришлось развернуться в седле почти на сто восемьдесят градусов.

Его меч описал сверкающую дугу над моей головой. Я успел заметить крохотное облачко, застывшее в небе над его правым плечом.

А затем я вонзил копьё ему в голову — острый наконечник легко прошел сквозь металлический шлем и переносицу. Его меч, ударившись о мой доспех, соскользнул на песок.

Несколькими выстрелами я избавил от страданий израненных лошадей, бившихся из залитой кровью песке.

На полной скорости к нам приближались остальные Учителя. Им оставалось проехать около двух миль. Через десять минут они будут здесь.

Закрепив последнюю подвеску, Старик приказал мне отступать. Прилив подошел уже почти к машине, и мне пришлось бежать по щиколотку в воде. Оставляя мокрые следы на покрытии фюзеляжа, мы один за другим полезли в кабину Транспортера.

Под нашими ногами, вырываясь из сопел, загудело пламя. Мы рванулись вперед, оставляя за собой стену воды и песка, и в одно мгновение прорезали пенную полосу прибора. Волны расступались перед нами, чтобы затем, после прохождения машины, взметнуться вверх кипящим смерчем бризг.

Учителя достигли холма, с которого я вел огонь. С ними было несколько всадников. А далеко за ними, в небе над Стеной, показались серебряные точки, зависшие на тоненьких иглах огня. Это были Транспортеры Учителей. Погоня была еще далеко не окончена.

Мы стремительно двинулись над поверхностью моря. Под нами, от горизонта до горизонта, простиралась серая водная гладь. Старик перевел машину на автопилот и устроился отдыхать в кресле.

Не знаю, почему я все еще называл его Стариком. Теперь его нельзя было назвать даже человеком средних лет. За последние часы седина в его волосах окончательно исчезла, и они приобрели ярко-рыжий оттенок. Морщины на лице разгладились, по щекам разлился яркий румянец. Он перехватил мой недоуменный взгляд и рассмеялся. Его смех был таким молодым и задорным! Он больше не был Стариком — он стал Юношей. Пророчество свершилось. Он прошел тропами времени и вновь обрел свою молодость.

Впереди, прямо по курсу, густались сумерки. Море под нами приобрело темно-зеленый оттенок, затем, когда мы достигли области Мерзлоты, стало совсем черным. По его поверхности медленно плыли ледяные замки. Мы пробивались сквозь низко нависшие батные облака, которые под напором

реактивных струй наших двигателей разлетались в стороны отдельными спиральными вихрями и образовывали прямой, как стрела, проход, ведущий от моря в неведомые области Мерзлоты.

Теперь нас окружали только небо и звезды, Луна и Вестник — яркая, блистающая точка на фоне вечно черного неба. Юноша открыл дверцу встроенного шкафа и достал нам обоим плотные, отороченные мехом комбинезоны с электрическим обогревом.

Впереди показались земли Мерзлоты. Над Транспортером нависли черные уступы скал. Их безжизненные зубчатые громады спускались до самого моря. Иногда их прорезали ледниковые потоки, берущие начало где-то в невообразимой вышине, скрытой туманом. Внезапно мой глаз различил впереди зубы и парапеты, платформы и бойницы. Это была Стена! Еще одна Великая Стена!

Юноша заметил мое смущение и не без иронии сказал:

— Не думай, что вы одни были такими исключительными. Таких стен еще четыре, не считая вашей. И за каждой — свои Плодородные Земли и свои Большие Башни. Их построили для того, чтобы начать Движение... — и чтобы закончить его.

Я замер в своем кресле, похолодев от священного ужаса. В полном молчании мы перевалили через отполированную ветрами вершину Стены.

То, что открылось нашему взору, меньше всего напоминало Плодородные Земли. Вздущаясь пузырями, изрезанная трещинами ледяная равнина. Ледяные горы, громоздясь друг на друга, застыли в самых причудливых формах. Мне чудились снежные драконы, оседлавшие их ледяные всадники, сжимавшие в мертвых руках заиндевевшие знамена, и прочие невообразимые чудища, рожденные льдом и ветром.

Башни были на месте. Башни и Цитадель. Точь-в-точь такие же, как наши. Даже расположенный под ними Город, несмотря на чудовищные ледяные наросты, сохранил следы древней планировки.

Мы поднимались по пугающе знакомым улицам к центру Города. Вырывавшиеся из сопел струи вздымали фонтаны снега позади нас. Красные отблески пламени переливались на обледенелых стенах домов, придавая пейзажу сходство с преисподней. Я невольно содрогнулся, вспомнив, как в юности, будучи кадетами в родном Городе, мы вместе с моими товарищами, не осознававшими еще обязанностей, которые накладывает на избранных Долг стража Стены, обманывали доверие Учителей и предпринимали тайные вылазки в таверны и спальни простолудинов. Какие это были счастливые дни, какие теплые, спокойные вечера! А здесь только лед и смерть, куда ни хинь взор!

И все-таки нам удалось обнаружить людей. Их скрюченные тела, вмороженные в ледяные глыбы, чернели в том месте, где когда-то располагался сад Учителей.

Для того, чтобы войти в Священную Палату, нам снова понадобился энергомет. Одним зарядом мы проломил четыре фута льда и скрытую под ним дверь. Прозрачные мелкие осколки зазвенели по полу. Растопленный жаром лед тут же снова застыл небольшими блестящими блюдцами. Несмотря на комбинезон с обогревом, меня пробирал озноб. Пар от нашего дыхания белым облаком повис в воздухе.

НИЖНЯЯ Палата была в идеальном порядке. Никаких следов присутствия Учителей. Это открытие очень обрадовало Юношу. Он тут же склонился над экранами системы связи. Палату наполнил голоса людей из самых дальних уголков планеты. Юноша очень спешил. Он сказал, что у нас почти не осталось времени.

— Поторалливайся, приятель. Нам придется взбираться на Стену. — Мы снова полетели над пустыми, безмолвными улицами. Первое время Юноша молчал, а затем поведал мне Священную Тайну. Он рассказал мне, для чего мы живем и зачем людям понадобилось строить Учителей.

— Ты понимаешь что-нибудь в астрономии?
— Совсем немного, Повелитель. Я знаю, что наш мир — это планета, твердая сфера, движущаяся в космическом пространстве. Она обращается вокруг двух солнц. Звезды — это тоже солнца, но они находятся неимоверно далеко от нас...

— Ну-ну. Полуправда, как и все, чему вас учили Учителя. На самом деле, не планета обращается вокруг солнца, а наоборот, солнце вокруг планеты. Они искусственные, приятель,

Пять тысяч лет тому назад наше родное солнце взорвалось и стало сверхновой. Конечно, мы предвидели это, но единственное, что мы смогли сделать, — это отправить нашу планету путешествовать по Галактике в поисках нового, более надежного светила. — Он широко улыбнулся. — Ничего себе идея, правда? Самый большой корабль во Вселенной! Мы оснастили его солнцами, которые вы все принимали за настоящие, — для нас это была не проблема. Планета путешествовала пять с половиной тысяч лет и пересекла половину Галактики, чтобы найти подходящую систему... подходящее солнце. Это солнце — Вестник. Учителя были предназначены для поддержания порядка в течение тысячелетий полета. Они должны были любой ценой сохранить Башни и Стену. Идея защиты Святынь была основанием всей программы. Все это, конечно, чепуха — «Честь и слава Учителям!», «Да будет Стена!» и так далее — но эта чепуха сработала, и сработала неплохо, если учесть, что прошла уйма времени. Правда, не обошлось и без накладок: одна команда Учителей свихнулась на почве собственного величия, да одна пара солнц регулировалась... Кстати, вот почему здесь так темно и холодно, а в вашей Стене появилась дыра.

— Враги призвали солнце спуститься и испепелить Стену после того, как их нападение было отбито.

— Как же! Просто разбалансировалась система, и на вас свалилось одно из солнц. Те же, кто здесь жил, пытались найти у вас убежище от холода, потому что их солнце, потеряв пару, ушло в космос. Вам еще повезло, что они оба не сели вам на голову.

Мы скользили вдоль вершины Стены. Юноша отыскал нужное ему место и посадил Транспортер.

Часть Стены съехала вбок, открыв уходящий в глубину проход. В нем виднелась еще одна спиральная лестница. Мы выбрались из кабины наружу и сразу же попали под яростные удары ветра. Я вцепился руками в одну из опор Транспортера. И в этот момент в небе над нами показались Учителя.

Их Транспортеры выскочили из-за восточного края Стены. Заметив нас, они резко увеличили скорость и открыли огонь.

Я отвечал им с верхней площадки лестницы, пока Юноша возился внизу с запирающим механизмом.

Мне не удалось ни в кого попасть, так как толстые перчатки сильно затрудняли обращение с энергометом, но пару раз пущенные мною заряды смешали их ряды. Это заставило их держаться на почтительном расстоянии. Наконец Юноша подал мне сигнал, и я бросился вниз по складывающейся вслед за мной лестнице.

На одном из экранов я увидел, как оставшиеся снаружи Учителя пытались пробить себе дорогу внутрь Стены. Там, куда попадали их заряды, ее поверхность взрывалась и бурлила, как кипящий котел.

— Пусть себе развлекаются: это отнимет у них несколько часов. Главное, что с Древними Людьми — со Спящими — все в полном порядке. Автоматика вышла из строя, только и всего. Вот почему я не мог разбудить их дистанционно. Через пару часов они будут на ногах.

Это была гонка на время. Юноша оставил меня наблюдать за экранами, а сам направился в глубь Палаты. «Пристегнись», — бросил он мне на ходу.

Он устроился в огромном вращающемся кресле перед панелью управления, а я нашел себе сиденье напротив экрана. «Готов?» — он наклонился вперед. Его трубочка выбросила красный луч света. А потом началось...

Верхушки Башен раскрылись, словно бутоны огромных причудливых цветов. На чашечках этих бутонов появилось свечение. Башни горели, как было сказано в пророчестве, они горели, как четыре гигантские свечи в темноте.

Мощные турбулентные потоки нагретого воздуха устремились к небу, опрокидывая одну за другой машины Учителей, разбивая их о содрогающиеся твердыни Башен. Через минуту вершина Стены была такой же гладкой и пустой, как и до нашего прибытия сюда.

А еще через минуту задвигалась, застонала и задрожала сама Великая Стена. Глубокие трещины прорезали ее уступы, отдельные участки целиком провалились под землю. Громадные волны поднялись над поверхностью моря и обрушились на разламывающиеся скалы. Звезды на небе пустились в пляс, то убыстряя, то замедляя свое движение, то кружась вокруг невидимой оси. На мелководье, недалеко от берега, забили вулканы. Море кипело. Горизонтальные рос-

черки снежинок сменились пулеметными очередями градин, затем — тонкими линиями дождевых капель, с шумом барабанивших по растрескавшейся вершине Стены. На небе собиравались черно-фиолетовые тучи, она вырастали за считанные минуты, чтобы затем, в одно мгновение, рассыпаться без следа. Луна совершала бешеные скачки по небу, огонь с ревом вырывался из разверзтых верхушек Башен. Оба солнца одновременно появились на небосводе, на секунду застыли в зените, а затем начали стремительно удаляться в открытый космос.

Экраны погасли. От резкого перепада давления у меня заломило в ушах. Потом я потерял сознание.

Позднее, лежа в полубессознательном состоянии, я услышал голоса многих людей, доносившихся до меня сквозь рев машин. Они стояли за перемигивающимися пультами и переговаривались между собой, а также с другими людьми, находящимися где-то за тысячи миль отсюда.

— Красное класса Д 536.000.897.82.

— Отлично! В системе девять планет, не так ли?

— Орбита!

— Коррекция орбиты: 90.000.000 плюс-минус 4.000.000. Однако, холодново.

— Разрушить третью планету. Осколки выбросить на орбиту между четвертой и пятой.

— Третья от солнца?

— В красной части 501.726.06. Все-таки не совсем, как наше. Жаль!

И так далее. Я почти ничего не понимал.

Окончательно придя в себя, я лежал, прислушиваясь к пьяному говору и смеху Древних Людей. Они всей толпой вывалились из рубки управления и теперь, пошатываясь, бродили по Палате, обнимались, пили вино и пели странные песни.

Я приподнялся на локте и заорал:

— Вы убийцы! Вы истребили все живое на планете! Но ничего — скоро и вам будет крышка!

В явном замешательстве, хотя все еще улыбаясь, они уставились на меня. Возглавлявший их Юноша, румяный и золотоволосый, странно живой по сравнению с ними, с их бледными, пергаментными лицами, подошел ко мне.

— Нет, приятель, вовсе нет! Лишь очень немногие погибли. Эпицентры разрушений пришлись на пустынные области. Плодородные земли не пострадали. А внутри Стен жили только единицы. Вот уж кто точно не уцелел, так это Учителя. Мы использовали всю энергию — всю до последней капли! Но люди выжили — и это главное. Конечно, теперь придется все начинать сначала — пещеры, охота на мамонтов и все такое прочее. Несколько тысячелетий придется пособирать коренья — но зато человечество будет продолжать свой путь. А вся эта чепуха насчет Стены и Движения забудется в первые же двести лет.

Я больше не мог слушать и выбежал из Палаты.

После долгого блуждания по темным галереям я наконец выбрался наружу и огляделся. Я находился у основания Стены, на самом краю Земли Мерзлоты. У моих ног начинался океан.

Стены больше не было. То, что от нее осталось, представляло собой несколько бесформенных бугорков, оседавших и расползавшихся у меня на глазах. Башен также не было видно — казалось, они прогорели дотла, как четыре гигантские сигары, и бесследно рассыпались в прах.

Моему взору предстала цепь новых гор, поднимавшихся из океана и образовавших нечто вроде дамбы, соединяющих побережье с Плодородными Землями.

В прорыв между облаками выглянуло новое солнце — огромное, золотое и необычайно теплое. Вокруг меня журчали ручейки — это быстро таял последний, еще оставшийся лед. Молодые зеленые побеги пробивались сквозь щебень.

По дамбе шли люди. Человек тридцать, не больше. Они гнали пред собой стадо коз.

Мне нужно менять профессию: стражи Стены теперь никому не нужны. Если заняться рыбной ловлей, то можно обеспечить себе вполне безбедное существование. Да завести к тому же пару коз. Устроить жилье в хижине или в пещере среди сосен на берегу. Костер из хвороста и, пожалуй, давящая молодая рыbachка. Или любая другая. Дом. Мой дом.

Я вскочил на ноги и пустился догонять бредущих по дамбе людей. Впереди было много дел.

ПОСЛЕДНИЙ ПРЫЖОК

ФРЭНК КУИНТОН

В ТЕЧЕНИЕ всего дня Бернард чувствовал себя неважно. Несколько часов он простоял на пирсе, погрузившись в воспоминания. Там у него была, по крайней мере, анонимность одинокого человека в праздной толпе отдыхающих.

Вечером, в летнем театре, ему стало еще хуже.

Сидя в своей гримерной, Бернард огрешенно смотрел в коридор, ведущий к сцене, который представлялся ему последним путем приговоренного к смертной казни. Бернард постарался взять себя в руки и успокоиться.

Встав, он стянул с брюк нитку, поправил жилет и вальсальной походкой направился в сторону сцены.

Бернард ощутил на себе фельдфебельский взгляд швейцара из дальнего конца коридора. Со сцены, казалось, веяло ветром свободы. Бернард повернул налево и вышел за кулисы.

В неясной ауре, исходящей от сцены, он заметил, как Барбара Джонсон шаловливо ему подмигнула. Она сидела за пультом освещения. По пьесе Барбара играла роль его дочери и только сейчас пришла со сцены.

Бернард на мгновение стиснул ее пальцы и устремился на подмостки.

— Ричард, дорогой, ты здесь? — произнесла актриса, играющая его жену.

— Я иду, моя милая, — Бернард взбежал на сцену и замер при звуках аплодисментов.

Он открыл было рот, но вдруг слова вылетели у него из головы.

Здесь был ОН! Как ему и говорили, в первом ряду партера сидел лысый мужчина со знаками отличия мэра.

Другим участникам труппы, конечно же, было неизвестно, что этим мэром был его брат Пол.

Так или иначе, Бернарду удалось довести роль до конца. Его даже три раза вызывали на бис.

Узнал ли его Пол?

Скорее всего, нет: Бернард был в гриме, выступал под сценическим именем Говарда Бута. С этим именем он вернулся с гастролей из Мельбурна.

На пути в гримерную Бернарду повстречался Харольд Хитчен, режиссер их небольшой разъездной труппы.

— Что-то у меня нет никакого желания видаться с мэром сегодня вечером. Будь добр, не приглашай его за кулисы, — обратился к нему Бернард.

Хитчен рассердился:

— В таком небольшом курортном городке нам следует быть гостеприимными, — объяснил Хитчен. — Нам и нужно-то выпить пару рюмок с мэром, чтобы большее число горожан сходило на наши спектакли. Ну, во всяком случае, сейчас ты можешь успокоиться, похоже, мэр смылся.

«Отлично, — подумал Бернард, заходя в гримерную, — уж не так часто мне везет».

Бернард уселся в позолоченное кресло в углу и устало прикрыл глаза. Жара, давшая весь день, наконец в полной мере подействовала на него.

— Милый, можно к тебе? — с этими словами в комнату вошла Барбара. — Не забудь про сегодняшнюю вечеринку.

— Ну нет, именно сегодня ты должна меня извинить, дорогая.

— С чего бы это? Ты куда-нибудь собрался пойти?

Как можно легкомысленнее Бернард попытался ей объяснить.

— Я, наверно, пойду погуляю по писсу.

Он сказал первое, что пришло в голову. Барбара вопросительно посмотрела на него.

— Только не сегодня, дорогая, — еще раз повторил Бернард.

— Ну ладно, хорошо. Спокойной ночи, папуля, — и Барбара вышла из его гримерной.

«Папуля!» Ну да, он стареет. Уже двенадцать лет отдаляют его от того далекого апреля, когда Бернард похитил сердце Эллы, красавицы жены своего брата.

Их роман не длился долго. Элла перебралась в объятия других мужчин. Многих других мужчин. Кого же она сейчас целует? Во всяком случае, не Пола: к нему Элла никогда не вернулась бы. Для этого нужен по настоящему сильный характер.

В дверь постучали.

— Войдите.

— Добрый вечер, Бернард, — сказал Пол.

Бернард резко вскочил.

Эмалированная цепь мэра вокруг шеи брата отбрасывала на его горло фосфоресцирующее сияние. Пол был безупречен, спокоен, взгляд его был тверд.

Бернард приблизился и подал трясущуюся руку.

— Дагнешью мы с тобой не виделись, — явно не к месту сказал он.

Пол крепко сжал его руку, посмотрел на брата и отметил: — Я вижу, ты не слишком изменился. И волосы у тебя еще есть, и зубы здоровые.

— А теперь еще и борода, — Бернард натянуто улыбнулся.

— Ну да. Конечно, борода — один из атрибутов твоей профессии. Из тех, которыми пользуются, когда хотят, чтобы их приняли за кого-нибудь другого.

— А у тебя цепь мэра. Я думал, что ее надевают только в особых случаях.

— Это как раз такой случай. Встреча братьев после двенадцатилетней разлуки.

Бернард согласно кивнул.

— А не пойти ли нам и не выпить чего-нибудь в «Альбионе»?

— Нет, это не то. У меня есть предложение получше. Почему бы тебе не быть моим гостем? У меня дома тебя ждет прекрасный ужин.

Голодный желудок Бернарда с радостью встретил это предложение. У Бернарда была страсть к хорошей еде, а Пол был превосходным поваром. Удивительно все-таки: мужчины с пышными шевелюрами обычно не дураки поесть, в то время как лысые отлично готовят.

Однако что-то мешало Бернарду принять окончательное решение. Он был плоть от плоти своего брата, и ему трудно было поверить, что такая гордая натура, как Пол, столь легко простит человека, который увел его жену. Если, конечно же, Пол сам не хотел от нее избавиться.

Они подошли к большому, сделанному по заказу «Ролс-Ройсу», поджидавшему мэра у театра.

Шофер открыл дверцу машины для мэра, и Пол пригласил Бернарда сесть на переднее сиденье.

Мэр сказал шоферу:

— Джордж, домой, пожалуйста.

Бернард буквально утонул в мягком сиденье с широкими подлокотниками. Как большинство актеров, он обожал роскошь.

Автомобильный приемник играл оркестровую музыку. Мэр предложил Бернарду небольшую, но превосходную сигару.

Только тогда Бернард окончательно уступил. Его везли в роскошной машине, ее королевские фары отбрасывали яркие лучи света на дорогу. Впереди был прекрасный ужин в великолепно обставленном доме.

У Бернарда был к Полу вопрос, который он не осмеливался высказать вслух: существует ли еще тот симпатичный бассейн в глубине сада? Или же Пол уничтожил его, чтобы похоронить воспоминания о том дне, когда он незапланированно вернулся из Лондона и застал Эллу и Бернарда, плавающими нагими в бассейне?

Пола снял цепь мэра и положил ее в бархатную коробочку, которую он засунул в карман.

— Фу! Ну и душный же вечер, — отметил Пол. — Ты как насчет того, чтобы поплавать в прохладной воде перед ужином?

Бернард был смущен.

— В бассейне? — спросил он.

— Ну а где же еще? — улыбнулся Пол. — Я модернизировал его с тех пор, как ты купался в нем в последний раз. Современная плитка, скрытое освещение — в общем, маленький земной рай.

«Ролс-Ройс» мягко затормозил перед особняком, построенным в георгианском стиле. На первом этаже горел свет. Через высокие окна Бернарду была видна лестница восемнадцатого века, спускающаяся с четвертого этажа.

Ее стальная кованая балюстрада была украшена гроздьями винограда и заканчивалась в белом мраморном зале, в котором висящие лампы отбрасывали таинственный свет на античные скульптуры.

Пол вынул большой ключ и открыл парадную дверь. Бернард удивленно спросил:

— А что, слуг нет?

— Мэри, кухарку, я отпустил на уик-энд, а дневная служанка заканчивает работу в пять.

Бернард вспотел.

Неожиданно он осознал, что весь окружающий мир заполнен стрекотанием бесчисленных кузнечиков. С каждой травинки, с каждого кустика на многие мили отсюда они, казалось, предупреждали: «Не делай этого, не делай этого».

ОНИ вошли в дом и стали подниматься по лестнице. У Бернарда было неприятное ощущение, связанное с воспоминаниями об этой лестнице. Если бы она могла издавать звуки, то разразилась бы раскатами смеха, смеха неверной супруги, за которой он гнался вверх по лестнице, пока не наступил в пустой спальне ее мужа...

Но, к счастью, лестница хранила тишину.

Пол включил свет в розовой гостиной и открыл буфет.

— Выпить хочешь?

Бернард кивнул.

Пол критически осмотрел бутылку.

— Тебе понравится, — сказал он. — Это калифорнийское вино, «Пино Наур» урожая 1966 года. Я приобрел его, когда был в командировке в Лос-Анджелесе. Дстойное королей.

Пол вытер рюмки и налил вино с видом знатока.

Он подал рюмку Бернарду.

— Остальное ты сможешь допить после купания, — предложил Пол, ставя бутылку обратно в буфет.

— А сам-то, не выпьешь, что ли?

— Конечно, выпью. Но только джин с тоником, — Пол налил себе.

Он улыбнулся.

— Я помню, ты как-то сказал, что джин с тоником — это любопытное не-вино.

Они чокнулись, и он добавил:

— Я думаю, что ты можешь сейчас называть меня «не-мужем».

Ну наконец-то! Но это первое упоминание Пола о жене после предательства брата было высказано таким безразличным тоном, что Бернард осмелился сказать:

— Мне бы хотелось поговорить с тобой об этом.

Пол лишь махнул рукой:

— Что было, то было, — резюмировал он.

Бернард прикрыл глаза и кивнул. Если подходить по-философски, то это в конце концов вполне понятно.

Как же великолепно американское вино!

Пол с наслаждением наблюдал за восхищенной реакцией брата. Слегка, наверное, переиграно, но во всем необъятном мире вряд ли найдется человек, более любящий удовольствия жизни, чем Бернард. Не чающий души в хорошей пище, красивой музыке и, конечно, не совсем добродетельных женщинах. Сверхчувствительный к боли, слишком эгоистичный, чтобы полностью отдаваться любви и дружбе, нетерпимый к любой критике в свой адрес.

Такое характерное сочетание!

Хозяин в радостном предвкушении потер руки.

— Ну, а теперь давай окунемся! Ты найдешь плавки, полотенце и сандалии в шкафу, в комнате для гостей. Давай по-

торопливайся, ведь впереди у нас превосходный ужин.

Бернард взглянул на Пола.

— Стручковый красный перец с жареными цыплятами?

Пол сделал протестующий жест.

— Можешь не беспокоиться, мне известны твои пристрастия.

Поднимаясь вверх по лестнице, Бернард вспоминал свои ощущения, связанные с прошлым пребыванием в этом доме. Казалось, воспоминания ласкают его. Такие теплые, белые, улыбающиеся.

Он дошел до верхнего этажа и прошел по коридору, отделанному дубовым паркетом, в комнату для гостей. Сердце его вздрогнуло, когда он проходил мимо двери спальни.

Затем Бернард зашел в гостевую комнату и первым делом посмотрел на себя в зеркало. Это он сделал по устоявшейся актерской привычке, выработанной в постоянных переездах из города в город, из одной квартиры в другую. Начав раздеваться, Бернард приободрился. Исчезли остатки неуверенности, беспоконства, связанного с мотивами хозяина, своего родного брата, пригласившего его в этот скромный особняк. Бернард смотрел в зеркало и восхищался своим, еще стройным телом, своей заметной узкой талией. Совсем неплохо для сорока восьми лет!

Плавки были ярко-красного цвета и как раз по размеру. Ему хотелось бы надеть шапочку для купания, чтобы не замочить свои тщательно уложенные, волосы. Но, пожалуй, это уж слишком — просить ее у Пола, который абсолютно лыс.

Бернард надел плавки и взял свернутое полотенце, лежащее в нижнем ящике шкафа.

Что-то выпало из полотенца и упало у его ног. Это был старый флакончик из-под духов, довольно необычной формы. Эти духи Бернард купил Элле на рождество, в 1955 году, за год до того, как она ушла от Пола.

Бернард поднес треугольную бутылочку к носу.

Никакого запаха. Абсолютно чистая. Нет и тени намека о ней...

Странно, конечно, что ее спрятали в полотенце таким образом.

Затем легкой походкой Бернард спустился вниз.

Пол уже ждал его в саду, в глубине которого мерцала гряд бассейна.

— Ну, давай наперегонки, кто быстрее, — предложил Пол.

Вызов заставил Бернарда без оглядки броситься вперед. Конечно, было бы вежливее дать выиграть хозяину, но азарт и тщеславие возобладали, и Бернард стремглав понесся к бассейну.

Добежав до трамплина, Бернард высоко подпрыгнул в воздух.

Великолепный прыжок!

Слишком поздно он почувствовал зловещие испарения. Он уже достиг поверхности бассейна. Жидкость сжала его с парализующей жестокостью: от корней волос до кончиков пальцев на ногах.

Его нежная, столь лелеемая кожа чувствовала абсолютно все. Сначала тысячи безжалостных огненных плетей вонзились в него, каждая из которых с яростью разрывала холерное тело.

Затем, когда он попытался закричать, кислота стремительно начала приближать эту пытку к смерти, растворяя его волосы, сжигая и ослепляя глаза.

Совершив невообразимо жестокую казнь с его телом, кислота заглушила последние крики, проникнув в рот.

Там она мгновенно уничтожила те вкусовые окончания, которые незадолго до этого так нежно смаковали калифорнийское вино, и продолжила свой путь по горлу в легкие и желудок.

Каждое мгновение превращалось в столетие, но в принципе это была относительно быстрая смерть. За ней последовала глубокая тишина, в которой кислота продолжала поедать труп Бернарда, по мере того, как он медленно погружался на дно бассейна.

Смех раздался с садовой дорожки.

Пол вынул сигару из кармана халата и, не отрывая взгляда от бассейна, нащупал спички и прикурив. Он выпустил облако ароматного дыма, запах которого значительно отличался от смрада кислотных испарений чудовищной ловушки.

Наконец Пол понял, что позади в доме звонит телефон. Он вернулся в дом.

— Алло!

— Пол! — в ярости орал Бригг. — Наконец-то я добрался до тебя! Еще называешь себя деловым человеком! Какого черта тебе понадобилась такая большая партия кислоты? Мне сегодня пришлось остановить завод по восстановлению аккумуляторов...

— Мой дорогой старина Джек, — извиняющимся тоном пробормотал Пол. — Я позабочусь, чтобы кислоту тебе доставили завтра же утром. Извини за задержку, но у меня сегодня не было водителей. Видишь ли, — Пол снова взглянул

на бассейн из окна. — у меня была одна срочная работенка — Срочная работенка! Ну ты даешь! Я просто поражаюсь тебе. Тебе же прекрасно известно, что я не могу работать с испорченными химикатами! Неужели ты совсем не думаешь о своем старом нетерпеливом клиенте?

— Да, я помню о тебе, помню.

И, повесив трубку, Пол добавил про себя:

— А также не забываю и о хладнокровном клиенте, о себе...

Пер. Ник. ЩИГОВА.

ВЕЧЕР

В ВИЗАНТИЙСКИХ

АФИНАХ

(VI в. от Р. X.)

Стоят все так же Пропилей
И так же смотрят на восход,
Но больше Зевсова аллея
В храм Посейдона не ведет.

Здесь нет аллей и нету храма,
Акрополь вымер и оглох,
Лишь слабый запах фимиама
Еще хранит чертополох.

Да лишь на мраморные плиты,
Семью поэтами воспет,
Ложится так же, как сквозь сито,
Тот пепельный и тусклый свет.

Над мертвой гаванью Пирей,
Как Мом, стоит небытие,
И не Афина — Астарейя
Над молом подняла копьей...

И ярче базилевских мантий,
И пламенной, чем янтари,
Блестает пурпурный Византий
С багряным маревом зарй.

В багрянце зарева всесильном
Нелеп замерший строй руин —
И веет тленнем могильным
От расцветающих маслин...

Но в слабом духе аналая,
В чертополохе и в персти
Еще, как встарь, живет былое,
Как прежде жило во плоти.

Пусть лавры гордые поникли,
Но нынче так же, как вчера,
Акрополь грезит о Перикле
И о Сократе — Агора,

Но все распалось и поблекло
Под жарким натиском Эгин!
Еще триеры Фемистокла
Не обогнули Саламин!

Еще в осаде Сиракузы
И Занкла, и Галикарнас —
Еще Афинского союза
Не пробил сицилийский час!

От берегов иного Понта
Идет герой, необорим,
И Анабазис Ксенофонта
Мы повторим! Мы повторим!

И сквозь крутые Пропилей,
Где густ и терпок фимиам,
Пройдем по Зевсовой аллее
В наш Посейдонов вечный храм!
(1991).

ПРИМЕЧАНИЯ. Пропилей — украшенный, в форме зала, вход в Афинский Акрополь; Зевсова аллея и храм Посейдона (второго покровителя Афин) находились на территории Акрополя; Пирей — морской порт в Афинах; Мом — у древних греков олицетворение порицания, хулы, в поэмах Гесиода — сын Ночи, небытия; Афина — богиня разума и мудрости, позднее — воплощение мира, первая покровительница города Афины; Астарейя (Астаота) — у древних финикийцев — богиня плодородия, любви, в традициях русской поэзии 90-х годов XIX века — злое, темное начало; Базилевс — наименование византийского императора; Византий — др.-гр. колония, впоследствии Константинополь, столица Византийской империи, на территории которой находилась Греция; Перикл (ок. 495—429 гг. до Р. X.) — крупнейший государственный деятель Афин, при нем Афинское государство достигло наивысшего расцвета, так называемая «эпоха Перикла»; Сократ (470—399 гг. до Р. X.) — выдающийся древнегреческий философ, часто пропагандировал свои идеи на Агоре — главной площади Афин; Эгина — небольшой островок вблизи Афин, в течение многих десятилетий Эгина и Афины враждовали между собой; триера — военный корабль;

Фемистокл (524—459 гг. до Р. X.) — афинский полководец и государственный деятель, под его руководством греки одержали победу над персами в Саламинском сражении (480 г. до Р. X.); в ходе Пелопоннесской войны (431—404 гг. от Р. X.) между коалициями Спарты и Афин (Афинский Морской союз) афиняне осадили, но не смогли взять союзные Спарте города Сиракузы и Занкла (в Сицилии) и город Галикарнас (в Малой Азии), неудачная для Афин военная экспедиция в Сицилию в конечном счете предопределила разгром Афин в Пелопоннесской войне; Понт — море, вблизи Понта Эвксинского (Черного моря) находится Константинополь; Анабазис — поход греческих воинов в Персию на помощь Киру Младшему и отступление их обратно в Грецию после разгрома Кира (400—399 гг. до Р. X.); Ксенофонт (род. 430—425, ум. после 355 г. до Р. X.) — греческий историк, автор труда «Анабазис», в котором описан этот поход — был предводителем греков, возвращающихся из Персии. В сознании эллинов Анабазис стал всеобщим преддверием походов Александра Македонского.

Прим. автора,

ГНИЮЩИЙ ВОДОЁМ

Кожёвников И.В.
Ермаков И.В.

ЧАСТЬ I „ИЗ ПЛЕНА“ ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ — НАЧАЛО

Квин вытащил из ножен меч и тут же увидел варваров.

Марий резко повернулся в седле, и стрелой варвара пронзил шею его коня.

И Марий пришлось прыгнуть.

Квину удалось поразить одного варвара.

Погоняй, обезьяна, или нам всем выпустят кишки!

ТЕЛЕГА ВЫСКОЧИЛА НА ОБОЧИНУ И ЕБА НЕ ВРЕЗАЛАСЬ В ДРУГУЮ ТЕЛЕГУ.

СМОТРИ, МАРИЙ!
С ПРОСЕЛКА ВЫНЫРНУЛА ЕЩЕ
ЧЕТВЕРКА
ВАРВАРОВ!

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

МАРИЙ ВЫХВАТИ ПОВОДЬ И БИЧ У РУВИЯ.

ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ,
МАРИЙ?!

МАРИЙ НАПРАВИЛ
КОЛЫМАГУ ПРЯМО
НА ЭТИХ ВАРВАРОВ.

ПЕРВЫ ВАРВАРОВ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ, И ОНИ ПРОПУСТИЛИ ПОВОЗКУ.

Я ЗНАЮ ЭТИ МЕСТА!
СЕЙЧАС ДРОГА СВЕРНЕТ, С БОКУ БУДЕТ ГНИЛОЕ БОЛОТО...

... ЛЕС ТАМ РЕДКИЙ,
ПРАВИМ ТУДА, ВАРВАРЫ
ПОПЫТАЮТСЯ ОБДИТИ
НАС И ЗАВЯЗНУТ В БОЛОТЕ!
ТАК МЫ СПАСЕМСЯ!

ВСКОРЕ ДОРОГА СУЗИЛАСЬ И СВЕРНУЛА...

ОНИ, КАЖЕТСЯ, ПОДАЛИСЬ НА УЛОВКУ!

ДА, ИХ НЕ ВИДНО!

Внезапно они услышали крики.

Смотрите,
это варвары!

Глазам римлян открылась жуткая картина.

Смотри, они уже все
утопили! Кажется,
мы вырвались!

В новом случае
путь дороги от-
резана. Будем
ехать вперед,
вдоль берега.

И подумайте смелее
по сторонам!

Но вдруг ночная тьма сгустилась настолько,
что стала физически ощущаться.

Квин, я ничего
не вижу!

Казалось, что лошадям уперлись
в темноту, как в стену...

Лес пропал,
Марий!
Звезды
тоже!

И тут — на какую-то долю се-
кунды — людям показалось, что
они уже не сидят в повозке,
что повозка не стоит на месте —
а что они гонимы в бездну...

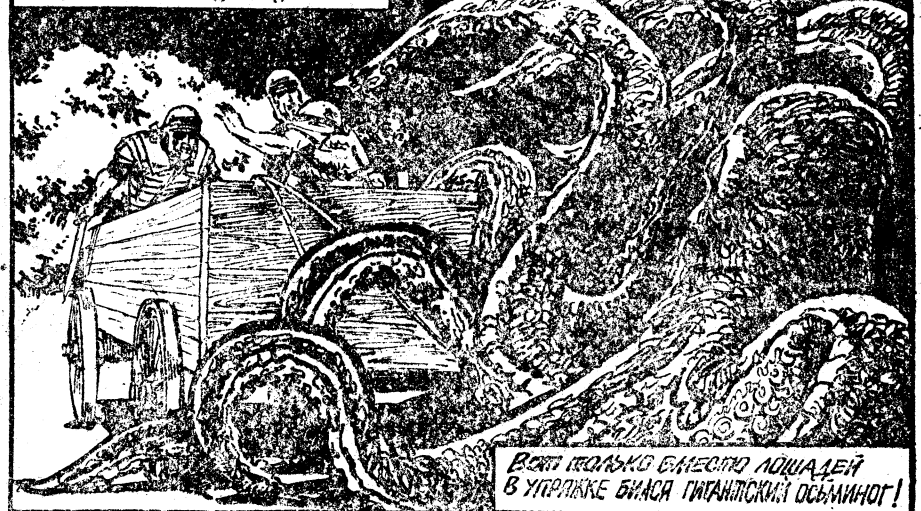

... это ощущение длилось всего один
миг. В следующем миг они увидели...

Проклято!

... дорогу, лес со всех сто-
рон, луну и звезды над головой.

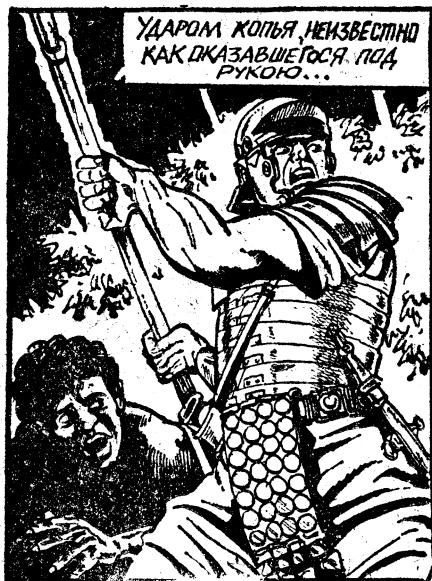
Вот почему блеском лошадей
в упряжке бьются гигантские осьминоги!

МАРИЙ РАССЕК ПОПО-
ЛАМ ПРОТЯНУВШЕЕСЯ
К ЛЮДЯМ ЦУПЬЛЦЕ.

ОНИ ВОВРЕМЯ СТРЯГНУЛИ С ПО-
ВОЗКИ. ВЗБЕШЕННЫЙ ДСЫМН-
НОГ ПОДАМЯЛ ЕЕ ПОД СЕБЯ.

УДАРОМ КОПЬЯ НЕИЗВЕСТНО
КАК ОКАЗАВШЕГОСЯ ПОД
РУКОЮ...

КВИН ПРОНЗАЛ ЧУДОВИЩЕ.

СМОТРИ, МАРИЙ,
ОН ПРЕВРАТИТСЯ
В НАШУ ЛОШАДЬ!

КВИН,
БЕЖИМ
ОТСУДА!

В ЭТОТ МОМЕНТ
ИЗ ПОД ТЕЛЕГИ
ВЫНЬРНУЛА ОГ-
РОМНАЯ ЗМЕЯ!

ЗМЕЯ СДЕЛАЛА СТОЙКУ
И АТАКОВАЛА ЛЮДЕЙ.

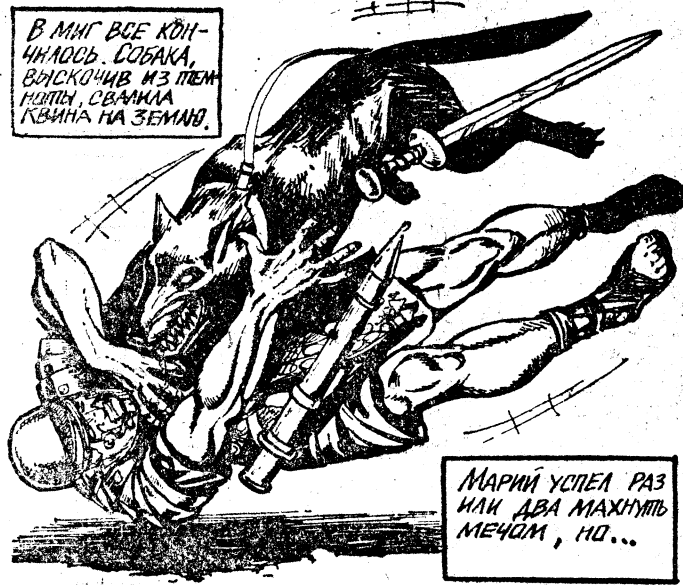

ЛЕС ОТСУТСТВИЯ ВРАГЬ.
БЛИЖАЙШИЕ ДЕРЕВЬЯ
СТАЛИ СТОЛБАМИ, МЕЖ-
ДУ КОТОРЫМИ ПЯНУ-
ЛАСЬ КЛЮЧОВАЯ ПРОВОДКА.

ОДНОВРЕМЕННО ПОСЛЫШАЛСЯ
ОПЫЧАЮЩИЙ ЛАЙ СОБАК, ЗВОН
И ПТРЕСК. К РИМЛЯНАМ БЕЖА-
ЛИ КАКНЕ-ТО ЛЮДИ.

В МИГ ВСЕ КОН-
ЧИЛОСЬ. СОБАКА,
ВЫСКОЧИВ ИЗ ПЕН
КОПЫ, СВАЛИЛА
КВНА НА ЗЕМЛЮ.

МАРИЙ УСПЕЛ РАЗ
ИЛИ ДВА МАХНУТЬ
МЕЧОМ, НО...

... ПОДСКОЧИВШИИ
ЧЕЛОВЕК УДАРИЛ
ЕГО В ЛИЦО ПРИКЛАДОМ.

ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ РИМЛЯН ПРИ-
ВЕЛИ НА ДОПРОС.

ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО
ПРОВЫЛ ЗА ПОБЕГ
ИЗ ЛАГЕРЯ?
КАК ВЫ РЕШИ-
ЛИСЬ ЭТО СДЕЛАТЬ?

Я НЕ ПОНИМАЮ, ЧТО
ПРОИСХОДИТ. Я ВОИН
НИЖНЕ-ГЕРМАНСКОГО
ЛЕГИОНА, ПОДАЛАННН
ИМПЕРАТОРА ГОНДИРИИ.

МЫ НАХОДИМСЯ НА ТЕРРИТОРИИ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ, И Я ЗАЩИ-
ЩЕН ВСЕМИ РИМСКИМИ ЗАКОНАМИ.

А-А-А, ДУРОЧКУ ЛОМАЕШЬ!
А АМУНИЦИЮ ПЛАКУЕ ПЛЕБЕ ПЛОХЕ
ИМПЕРАТОР ГОНДИРИИ ВЫДАЛ?

И НОМЕРОК НА РУКЕ ТОЖЕ
ИМПЕРАТОР НАРИСОВАЛ, НЕ ПЯК Л?

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ!

Мешкался, и это
то мгновение
хватило Марию
для броска.

Это было нео-
жиданно для
охранника. Он
на секунду за-

Марию отк-
рыл дверь и
осторожно
выглянул.

Во дворе никого нет.
Надо как-то выбраться
из этого дьявольского
места!

Быстрее! Бежим
отсюда! Главное,
чтобы они нас не
заметили.

Давайте
за угол про-
го барака!

Но римляне не знали, что за углом...

Их ждет разочарование. Они
ничего не смогли поделать —

— со множеством окружив-
ших их солдат.

Казалось, неизбежная смерть
настигла римлян. Как вдруг
чья-то стрела обрушилась
на врагов.

Дростной очередью из
автомата Мария
довел. Дело до конца.

ЭТО БЫЛИ СТРЕЛЫ ВАРВАРОВ. ИХ КОННИЦА ГИГАНТСКОЙ ГРОМКОЙ ОБРУШИЛАСЬ НА НЕМЦЕВ. ЛОШАДИ ГРУДЬЮ РАЗРЫВАЛИ КОЛОЧУРО ПРОВОДЯ АРКУ, А ИХ ВОСАДНИКИ НЕСЛИ ВРАГАМ СМЕРТЬ.

ОПОМНИЛИСЬ РИМЛЯНЕ СРЕДИ ГЛУХОГО ЛЕСА...

УЖЕ ДАВНО ДОЛЖНО СВЕТАТЬ. НО, БОГОСЬ В ЭТОМ ЗАКОЛДОВАННОМ МИРЕ НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ СОЛНЦА!
МАРИЙ, ПОХОЖЕ МЫ ОКАЗАЛИСЬ В ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ ВРЕМЯ ЗАКРУЧИВАЕТСЯ СПИРАЛЬЮ. СОВМЕЩАЕТ В СЕБЕ РАЗНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ.

ЕСЛИ ПОЗВОЛЯТ ГОСПОДА, Я РАССКАЖУ ВАМ, ИСТОРИЮ. ОНА ПРОИЗОШЛА С МОИМ ОТЕЦОМ. В ПРАВЛЕНИЕ —

ОТЕЦ БЫЛ РАНЕН, ЕГО ВЗЯЛИ В ПЛЕН. ЕМУ УДАЛОСЬ БЕЖАТЬ. СКИТАЯСЬ ПО СИРИЙСКИМ КАМЕНИСТЫМ ПУСТЫНЯМ, ОН НАБРЕЛ НА РЕЧКУ. ИЗ ТРОСЛЯНИКА ОТЕЦ СВЯЗАЛ МАЛЕНЬКИЙ ПЛОТИК И ПОПЛАВ НА НЕМ. ТТО, ЧТО ОН ВЫБЕЛ В ВРЕМЯ СВЕТОГ ПРАВЛЕНИЯ НАПВМННАЕТ ТТО, С ЧЕМ СТОПМОУНИСЬ МЫ.

— ИМПЕРАТОРА АРКАДИЯ, КОГДА НАШИ ЛЕГИОНЫ СРАЖАЛИСЬ В СИРИИ.

ПОСТОЙ, ПОСТОЙ... РЕЧКА? НО ВЕДЬ ЭТО ЗЛОСЧАСТНОЕ МНЕНИЕ БОЛОТНО ДОЛЖНО ОТКАЗАТЬСЯ ПОПЫТАТЬСЯ! НАВЕРЯКА ЕСТЬ КАКАЯ-НИБУДЬ РЕЧУШКА!

ОНИ НАШЛИ ЭТУ РЕЧКУ И СДЕЛАЛИ ПЛОТ.
И ВОТ УЖЕ РИМЛЯНЕ ПЛАВАЛИ ОГРОМНЫМИ БАЗАЛЬТОВЫМИ ПЕЩЕРАМИ.

БОЛОТНО И ЕСТЬ ТА ВРЕМЕННАЯ ВПЕРВА, НА КОТОРУЮ ИСКРУЩЕНО ВСЕ БЛИЗЛЕЖАЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО.

ЗНАЧИТ, ЕСЛИ МЫ СУМЕЕМ УЧЕСТЬ ВСЕ ПРАВИЛА ИГРЫ, ВРЕМЕННАЯ СПИРАЛЬ РАЗВЕРНЕТСЯ ДЛЯ НАС В НУЖНОЕ ВРЕМЯ.

Продолжение следует *

АГАТА КРИСТИ

Исторический ПРЕМЬЕР-МИНИСТР

Художник Т. ЗЛОКАЗОВА.

ТЕПЕРЬ, когда война и все, с ней связанное, принадлежит истории, я полагаю, что можно открыть миру ту роль, которую сыграл мой друг Пуаро в момент национального кризиса. Тайна сохранялась тщательно. В прессе не появилось ни слова. Но теперь, когда отпала необходимость хранить этот секрет, я считаю, что Англия должна узнать, чем она обязана моему неповторимому другу, чьи способности предотвратили гигантскую катастрофу.

Однажды вечером после обеда — точную дату я назвать все же не вправе — я и мой друг сидели в его комнате. После того как я из-за ранения стал негоден к военной службе на фронте, меня перевели в учебное подразделение. У меня вошло в привычку вечером после обеда приходить к Пуаро и обсуждать с ним те дела, которыми он непосредственно занимался.

В тот раз мы беседовали о последней сенсационной новости — о покушении на английского премьер-министра Дэвида Мак-Адама. Сообщения в газетах были явным подвернуты тщательной цензуре. Не приводилось ни одной подробности; говорилось только, что премьер-министр по счастливой случайности остался невредимым: пуля лишь слегка оцарапала ему щеку.

Я находил постыдным для нашей полиции, что такое вообще могло случиться. Мне было ясно, что вражеские шпионы поставят на карту все, чтобы довести дело до конца. «Сржающийся Мак», как его называли в собственной партии, был не просто премьер-министром Англии — он был самой Англией! Потеря его повергла бы всю страну в шок.

Пуаро был поглощен тем, что чистил крошечной губкой свой серый костюм. Я не знал большего денди, чем Эркюль Пуаро. Чистота и забота о внешности были его страстью. Вся комната пропахла бензином. Пуаро извинился, что не может полностью отдаться беседе.

— Еще минута, и я в вашем распоряжении, мой друг. Я почти готов. Хочу свести это жирное пятно!

Он во всю орудовал губкой.

Улыбнувшись, я закурил сигарету.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил я, помолчав.

— Сейчас я помогаю одной прачке — как бы это выразиться — вновь обрести своего мужа. Трудное дело, требует много такта. У меня такое чувство, что он не очень обрадуется, если его найдут. Но что поделаешь? Я, со своей стороны, симпатизирую ему. Полагаю, он слишком благодарен, чтобы пропасть случайно.

Я засмеялся.

— Все! С пятном покончено! Я в полном вашем распоряжении.

— Я хотел спросить, что вы думаете по поводу покушения на Мак-Адама?

— Ребячество! — ответил Пуаро. — Это нельзя принимать всерьез. Так не стреляют — никаких шансов на успех. Это старомодно, наконец.

— Но ведь покушение чуть было не удалось.

Пуаро недоверчиво покачал головой. Он собрался было возразить, но тут в дверь просунулась голова его хозяйки, которая сообщила нам, что два господина внизу желают видеть мсье Пуаро.

— Они не хотят называть своих имен, сэр, но сказали, что это крайне важно.

— Проводите господ наверх, — сказал Пуаро, осторожно складывая свои серые брюки.

Через несколько минут оба посетителя вошли. Мое сердце замерло, когда в первом из них я узнал лорда Эстайра, лидера палаты общин. Его спутник, мистер Бернард Додж, был членом военного кабинета и — насколько я знал — личным другом премьер-министра.

— Мсье Пуаро? — сказал лорд Эстайр вопросительно. Мой друг поклонился. Лорд посмотрел на меня и заколебался.

— Мое дело носит личный характер.

— При капитане Гастингсе вы можете говорить открыто, — сказал мой друг, кивая на меня. — Правда, он не очень талантлив, но за его умение хранить тайны я могу поручиться.

Лорд Эстайр все еще колебался, но мистер Додж поспешно сказал:

— О, давайте без церемоний! Время не терпит. Скоро вся Англия будет знать, в какой ужасной ситуации мы оказались.

— Прошу садиться, господа, — вежливо произнес Пуаро. — Не угодно ли будет занять вам то большое кресло, милорд?

Лорд Эстайр пристально посмотрел на него.

— Вы знаете меня?

Пуаро улыбнулся.

— Конечно. Я же читаю газеты, а там имеют обыкновение печатать портреты. Как же мне вас не знать?

— Мсье Пуаро, я пришел к вам за советом по одному очень срочному делу. Должен просить вас об абсолютной секретности.

— Слово Эркюля Пуаро — больших гарантий у меня нет.

— Речь идет о премьер-министре. Мы в большом беспокойстве.

— Мы зажаты в тиски! — добавил мистер Додж.

— Ранение оказалось серьезным?

— Какое ранение?

— Пулевое.

— Да что вы! — махнул рукой мистер Додж. — Речь уже совсем не о том.

— Коллега прав, — продолжил лорд Эстайр, — то уже дело прошлое. К счастью, пуля прошла мимо. Я желал бы, чтобы и вторая попытка была столь же неудачной.

— Вторая попытка?

— Да. Но другим способом. Мсье Пуаро, премьер-министр исчез.

— Что?

— Он похищен!

— Это невозможно! — ошеломленно вскричал я. Пуаро бросил на меня выразительный взгляд — он наверняка хотел сказать, чтобы я держал язык за зубами. — К несчастью, это правда! — продолжил лорд Эстейр. Пуаро посмотрел на Доджа:

— Вы сказали, мсье, что время не терпит. Что вы имели в виду?

Гости переглянулись, потом лорд Эстейр сказал:

— Мсье Пуаро, вы, конечно, уже слышали о предстоящей конференции союзных держав?

Мой друг кивнул.

— По понятным причинам подробности, когда и где она должна состояться, не сообщались. Но в дипломатических кругах точная дата, конечно, была известна. Конференция должна начаться завтра — в четверг вечером в Версале. Надо ли говорить, что присутствие премьер-министра там абсолютно необходимо. Не секрет, что премьер-министр — сильная личность, и это имеет важное значение. Его отсутствие на конференции может привести к ужасным последствиям. Нет никого, кто мог бы заменить его. Только он один может представлять Англию.

Лицо Пуаро стало очень серьезным.

— Следовательно, вы рассматриваете похищение премьер-министра как прямую попытку помешать его участию в конференции?

— Безусловно, так я ее и рассматриваю. Он уже был по дороге во Францию, когда случилось это несчастье.

— Но конференция все равно состоится?

— Она начнется завтра вечером в девять часов.

— Через двадцать четыре часа, — задумчиво произнес Додж.

— И еще пятнадцать минут, — поправил его Пуаро. — Не забывайте об этих пятнадцати минутах, мсье, эти минуты могут оказаться нам крайне нужными. Теперь подробности: похищение произошло в Англии или во Франции?

— Во Франции. Мистер Мак-Адам сегодня утром на эсминце переправился через пролив. В Булони его встречал адъютант главнокомандующего на штабном автомобиле.

— Это действительно так?

— Да, они выехали из Булони, но дальше их след потерян.

— Что?

— Мсье Пуаро, это был подставной автомобиль и подставной адъютант. Настоящий автомобиль нашли на боковой улице, шофер и адъютант были крепко связаны.

— А подставной автомобиль?

— Он пока не найден.

Пуаро сделал нетерпеливое движение.

— Невероятно! Его уже должны были найти.

— Мы тоже так считаем. Мы предприняли грандиозную поисковую акцию. Эта часть Франции находится под полным военным контролем. Мы убеждены, что автомобиль не может долго оставаться незамеченным. Французская полиция, наши военные и люди из Скотланд-Ярда пустились в ход все средства. Вы правы, это действительно невероятно — но тем не менее автомобиль все еще не найден!

В ЭТОТ момент в дверь постучали, и на пороге появился молодой офицер. Он передал лорду Эстейру запечатанный конверт.

— Прямо из Франции, сэр. Я, в соответствии с приказом, доставил пакет сюда.

Министр с нетерпением вскрыл конверт и издал вздох изумления. Офицер удалился.

— Наконец-то! Нашли второй автомобиль, с секретарем Даниэлсом — связанным и оглушенным, с кляпом во рту — на заброшенной ферме недалеко от К. Он помнит лишь, что кто-то схватил его сзади и чем-то зажал нос. Освободиться от пут ему не удалось.

— И больше ничего не нашли?

— Нет.

— Труп премьер-министра тоже? Это позволяет надеяться на лучшее. Однако странно. Сегодня утром его пытались застрелить, а теперь предпринимается столько усилий, чтобы сохранить ему жизнь?

Додж покачал головой.

— Ясно одно — похититель решил всеми средствами воспрепятствовать участию премьера в конференции.

— Если это в пределах человеческих сил, премьер-министр будет участвовать в этой конференции, — сказал Пуаро. — Я только молю бога, чтобы не было слишком поздно. Теперь, господа, расскажите мне все — с самого начала. Я должен разобраться в истории этого похищения.

— Последнюю ночь премьер-министр в сопровождении лишь своего секретаря капитана Даниэлса...

— Того самого, который сопровождал его и во Францию?

— Да. Они поехали на автомобиле в Виндзор — премьер-министр имел аудиенцию в королевском дворце. Сегодня рано утром он возвращался в город, а по дороге на него было совершено похищение.

— Прошу прощения. Кто этот капитан Даниэлс? Что известно о нем?

Лорд Эстейр улыбнулся.

— Я так и думал, что вы зададите мне этот вопрос. Мы знаем о нем не слишком много. Он выходец из простой семьи. Служил в английской армии. Средней квалификации секретарь, но необычайно способный к иностранным языкам. Насколько я знаю, он говорит на семи языках. По этой причине премьер-министр и выбрал его для поездки во Францию.

— Есть у него в Англии какие-нибудь родственники?

— Две тетки. Одна, миссис Эверард, живущая вблизи Хэмпстеда, другая — мисс Даниэлс, которая живет в Аскоте.

— Аскот — это недалеко от Виндзора?

— Эта версия уже проверялась. Но безрезультатно.

— Значит, вы считаете капитана Даниэлса вне всяких подозрений?

Лорд Эстейр с некоторой горечью ответил:

— Нет, мсье Пуаро. Сегодня, к сожалению, тысячу раз подумаешь, прежде чем скажешь о ком-то, что он вне всяких подозрений.

— Хорошо. Я понял, милорд. Премьер-министр вообще находится под такой пристальной охраной полиции, что любая попытка нападения, кажется, исключена, не правда ли?

Лорд Эстейр кивнул головой.

— За машиной премьер-министра следовал другой автомобиль, в котором сидели детективы в штатском. Мистер Мак-Адам не знал об этих мерах предосторожности. Он исключительно бесстрашный человек и категорически отверг бы их услуги. Но полиция, конечно, отдает свои собственные распоряжения. Шофер премьера О'Мэрфи — человек из тайной полиции.

— О'Мэрфи? Это ирландское имя?

— Да. Он ирландец.

— Из какой части Ирландии?

— Графство Клэр, я думаю.

— Хорошо! Продолжайте, милорд.

— Премьер ехал в Лондон. Шторки на окнах его автомобиля были опущены. Вторая машина следовала сзади, как обычно. Но, к несчастью и по непонятной причине, автомобиль премьер-министра отклонился от основного маршрута...

— Улица делает поворот в этом месте? — прервал его Пуаро.

— Да, но откуда вы знаете?

— О, это же ясно! Продолжайте!

— Машина с полицейскими, которые не заметили, что автомобиль премьера свернул с главной магистрали, браво проследовала дальше. Машине премьер-министра вскоре после непродолжительной езды по пустой улице преградила путь группа людей в масках. Шофер...

— Этот бравый О'Мэрфи, — пробормотал задумчиво Пуаро.

— Шофер на мгновение растерялся и нажал на тормоза. Премьер-министр высунул голову из окна. Тотчас раздались выстрелы, потом еще один. Первая пуля задела шеку, вторая, к счастью, прошла мимо. Шофер, который наконец-то понял всю опасность, дал газ, вынудив банду отскочить с дороги.

— Но это могло плохо кончиться! — дрожащим голосом вскричал я.

— Мистер Адам мужественно отнесся к ране, назвав

ее царапиной. Он позволил лишь сделать себе перевязку в деревенской больнице неподалеку, не называя себя, разумеется; и оттуда сразу же поехал на вокзал Черинг-Кросс, где его ожидал специальный поезд до Дувра. После этого капитан Даниэлс представил полиции подробное сообщение о случившемся, и премьер-министр отбыл во Францию. В Дувре он поднялся на борт специально вызванного эсминца. В Булони, как вы уже знаете, его ожидал подставной автомобиль.

— Это все, что вы можете мне сообщить?

— Да.

— И вы ничего не можете добавить, милорд?

— Есть еще одна странная деталь...

— Какая?

— Машина премьер-министра не вернулась с вокзала Черинг-Кросс. Полиция хотела допросить О'Мэрфи и поэтому сразу же начала поиски. Автомобиль нашли, он стоял около небольшого ресторанчика в Сохо, который известен как место встречи вражеских агентов.

— А шофер?

— Его нигде не могли найти. Он тоже исчез.

— Итак, — задумчиво сказал Пуаро, — у нас даже двое пропавших: премьер-министр во Франции и О'Мэрфи в Лондоне. — Он пристально посмотрел на лорда Эстайра.

Лорд сделал жест отчаяния.

— Я могу сказать лишь одно, мсье Пуаро. Если бы вчера кто-нибудь сообщил мне, что О'Мэрфи предатель, я рассмеялся бы ему в лицо.

— А сегодня?

— Сегодня я просто не знаю, что и думать.

Пуаро понимающе кивнул. Он бросил взгляд на свои старые часы:

— Руки у меня развязаны полностью? Я думаю, господа понимают, что я имею в виду? Я должен иметь возможность беспрепятственного входа повсюду, если сочту это необходимым!

— Конечно. Через час в Дувр отправляется специальный поезд с людьми из Скотланд-Ярда. Офицер и несколько агентов тайной полиции будут в вашем распоряжении. Этого достаточно?

— Да. Еще один вопрос, господа, прежде чем вы уйдете: что побудило вас прийти именно ко мне? Я почти неизвестен в Лондоне.

— Мы пришли по настоятельной рекомендации очень влиятельной персоны с вашей родины, мсье.

— Неужели мой старый друг префект?..

Лорд Эстайр покачал головой.

— Это гораздо более влиятельная фигура.

— Ну, Пуаро, что вы скажете об этом деле? — спросил я нетерпеливо, после того как за высокими гостями закрылась дверь.

МОЙ друг был очень занят. Быстро собирая небольшой чемоданчик, он задумчиво произнес:

— Не знаю, что и сказать. Мой мозг отказывается понимать все это.

— Зачем им было похищать его, если они вполне могли ограничиться ударом по голове — с тем же эффектом? — размышлял я вслух.

— Извините, друг мой, но я иного мнения. Я почти уверен, что они с самого начала хотели именно похитить его.

— Но почему?

— Потому что неизвестность создает большую панику. Это одна из причин. Если бы премьер-министр был мертв, это пришлось бы принять и смириться, и действовать дальше. Сейчас же все остается неясным. Появится снова премьер-министр или нет? Он мертв или еще нет? Этого никто не знает, и пока этого вы не узнаете, вы не сможете сделать ничего определенного. Повторю вам еще раз, неизвестность вызывает гораздо большую панику, а это как раз то, чего хотят наши враги. Во-вторых, похищение более выгодно, поскольку дает возможность ставить условия обеим сторонам. Правительства неприятельских сторон платят обычно не очень щедро, но в данном случае можно заставить их раскошелиться. В-третьих, в случае неудачи похитителям не грозит смертная казнь. В подобном случае похищение действительно надежнее всего.

— Но почему же тогда они стреляли в него?

Пуаро раздраженно воскликнул:

— Ах, это как раз то, чего я не могу понять! Это необъяснимо — глупо! Они приняли все надлежащие меры к похищению (и, надо заметить, очень продуманные меры), и вдруг какой-то дешевый театр — банда одетых в маски мужчин на расстоянии двадцати миль от Лондона! Не понимаю!

— Может быть, оба нападения не связаны между собой? — предположил я.

— Нет, таких совпадений не бывает! Наконец — кто же, предатель? Обязательно должен быть предатель — по крайней мере, в первом случае. Но кто, Даниэлс или О'Мэрфи? Непременно кто-нибудь из них двоих! Почему машина отклонилась от маршрута? Нельзя же полагать, что премьер-министр был соучастником собственного убийства! Сам О'Мэрфи свернул с главной дороги, или это ему приказал Даниэлс?

— Скорее всего, это был О'Мэрфи.

— Да, потому что если бы это сделал Даниэлс, то премьер-министр услышал бы приказ и спросил бы о его причине. В этом деле вообще много «почему», и все они противоречат друг другу. Если О'Мэрфи невиновен, то почему он съехал с главной дороги? Но если он виновен, то почему после двух выстрелов рванул автомобиль с места и этим, по всей видимости, спас жизнь премьер-министру? А с другой стороны, если он честен, то почему с вокзала Черинг-Кросс отправился в шпионское гнездо?

— Все это выглядит скверно, — сказал я.

— Давайте еще раз шаг за шагом рассмотрим все дело: что мы имеем «за» и «против» этих людей? Сначала О'Мэрфи. Против него говорит следующее: он свернул с маршрута; он ирландец из графства Килэр; он таинственным и подозрительным образом исчез. За него: он равнул машину с места на бандитов и спас жизнь премьер-министру; он человек Скотланд-Ярда и, судя по тому по-сту, который ему доверили, хороший детектив. Теперь Даниэлс. Против него: немного, разве что его неясное происхождение и то, что для нормального англичанина он знает слишком много иностранных языков. (Простите, мой друг, но с иностранными языками у вас, англичан, дело обстоит плачевно!) За него: то, что он был найден оглушенным, связанным и одурманенным хлороформом — это не наводит на мысль, что он мог каким-либо образом участвовать в этом деле.

— Он мог сам себя связать и оглушить, чтобы избежать подозрений.

Пуаро покачал головой.

— Французская полиция не позволила бы обмануть себя так просто. Да и какой ему смысл оставаться после успеха акции, когда премьер-министр был похищен? Конечно, его сообщники могли его оглушить и дать хлороформ, но я не вижу, что бы это им дало. Все равно для них он потеряян, потому что окажется отныне под пристальным наблюдением.

— Может быть, он надеялся навести полицию на ложный след?

— Но почему тогда он этого не сделал? Он смог вспомнить лишь то, что ему чем-то зажали нос. Это звучит подозрительно правдоподобно.

— Ладно, — сказала я и посмотрел на часы. — Полагаю, что пора ехать на вокзал. Может быть, во Франции найдутся новые улики.

— Возможно, мой друг, но я сомневаюсь. Мне все еще абсолютно неясно, как можно не найти премьер-министра в таком маленьком районе; ведь спрягать человека не просто при таких поисках, и как я должен его искать, если найти его не смогли полиция и войска двух стран?

На вокзале Черинг-Кросс нас поджидал мистер Додж.

— Это детектив Бернс из Скотланд-Ярда и майор Норман. Оба полностью поступают в ваше распоряжение. Удачи вам! Это трудное дело, но я не теряю надежды. Извините, я должен удалиться.

С этими словами министр поспешно ушел. Мы перебросились несколькими словами с майором Норманом. На перроне, в центре небольшой группы, я узнал маленького человека с лицом, как у хорька, который разговаривал с крупным белокурым господином. Это был старый знакомый Пуаро — инспектор Джапп, считавшийся одним из самых способных агентов Скотланд-Ярда. Он подошел к нам и поприветствовал моего друга:

— Я слышал, вы тоже занялись расследованием этого дела. Какое-то сумасшествие! До сих пор им так ловко удается уходить от погони вместе со своей добычей. Но не могу поверить, что они смогут долго прятать его. Наши люди и французы прочешут всю Францию. Не думаю, что успею чем-либо помочь. Наверняка его найдут через пару часов.

— Если он еще жив, — мрачно заметил белокурый детектив.

Джапп поморщился.

— Верно. Но у меня почему-то такое чувство, что премьер еще жив.

Пуаро кивнул.

— Да, да — он еще жив. Но смогут ли его вовремя найти? Я думаю, что им удастся прятать его еще долго.

Дали сигнал к отправлению, и все мы сели в пульмановский вагон. Поезд неторопливо отъехал от вокзала.

Это было весьма своеобразное путешествие. Люди из Скотланд-Ярда собрались вместе, разложив карту северной Франции и чертили пальцами линии через дороги и селения. Каждый отстаивал собственную стратегию поисков. Пуаро не был столь оживленным, как обычно. Он сидел неподвижно, рассеяно глядя перед собой. Я разговаривал с Норманом, который оказался интересным собеседником. Когда мы прибыли в Дувр, поведение Пуаро меня очень позабавило. Поднялся сильный ветер, и ма-

ленький ростом, мой друг, когда мы поднимались на борт корабля, в страхе уцепился за мою руку.

— Боже мой! — ворчал он. — Это ужасно!

— Будьте мужественны, Пуаро, — сказал я. — Все будет хорошо, вы найдете его. Я в этом абсолютно уверен.

— О, мой друг, вы неверно истолковали мое беспокойство, меня пугает только это ужасное море. Морская болезнь... страшные мучения!

— Да, да, — сочувственно вымолвил я.

Судно задрожало — это заработали машины. Пуаро застонал и закрыл глаза.

— У майора Нормана есть карта северной Франции, хотите ее посмотреть?

Пуаро нетерпеливо возразил:

— Нет, нет! Оставьте меня в покое, мой друг! Поверьте, для того, чтобы можно было о чем-либо думать, мозг и желудок должны находиться в полной гармонии.

— Есть отличные методы борьбы с морской болезнью. Нужно вдыхать и выдыхать очень медленно, поворачивая при этом голову справа налево, между каждым вдохом надо сосчитать до шести.

Я научил Пуаро упражнениям дыхательной гимнастики и пошел на палубу. Незадолго до нашего прибытия в порт Булонь Пуаро появился, улыбаясь, и шепнул мне на ухо, что мои методы помогли ему «самым чудесным образом».

Пальцы Джаппа все еще чертили линии на карте.

— Ерунда какая-то! Машина выехала из Булоня — вот здесь она повернула. По-моему, они заставили премьер-министра пересечь в другую машину.

Белокурый детектив заметил:

— Я бы обратил внимание на морские порты. Десять против одного, что они же тайно доставили его на какое-нибудь судно.

Джапп покачал головой.

— Не думаю. В соответствии с приказом все порты были закрыты.

Когда мы причалили, день уже начался. Майор Норман коснулся руки Пуаро.

— Военный автомобиль ждет вас.

— Благодарю, монсеньор. Но я не намерен в данный момент покидать Булонь.

— Что-о-о?

— Да, да, не намерен. Давайте-ка для начала пройдем вон в тот отель на набережной.

Мы втроем смущенно последовали за ним. Мы его не понимали. Пуаро спросил отдельную комнату и получил ее.

Потом он бросил на нас быстрый взгляд:

— Знаю, о чем вы думаете, господа. О том, что хороший детектив должен действовать, не так ли? Он должен быть полон энергии. Он должен метаться туда-сюда, лежать на пыльной улице и с помощью увеличительного стекла изучать следы от автомобильных шин. Он должен собирать окурки от сигарет и выброшенные спички. Таковы ваши представления, не правда ли? — Пуаро посмотрел на нас вызывающе: — Но я — Эржюль Пуаро — говорю вам, что это ошибочные методы! Ключ к успеху спрятан здесь! — он постучал пальцами по лбу. — Вполне можно было бы и не покидать Лондон. Было бы лучше, если бы я тихо сидел там в своей квартире. Для того, чтобы шевелились маленькие серые клеточки мозга, большего и не требуется. Они работают скрытно и тихо, и вот в один прекрасный миг я по их указанию вдруг схвачу карту и скажу: «Премьер-министр здесь!». В работе надо опираться на логику и собственный метод! А вся эта бурная поездка во Францию была бессмысленной. Мы не дети, играющие в прятки! Но теперь, хотя, может быть, уже и слишком поздно, я все же начну работать по правильному методу. Я буду думать. Мне нужен покой, друзья! Прошу вас об этом.

Пять долгих часов этот маленький человек просидел без движения: он поблескивал зрачками. как кошка. Его зеленые глаза мерцали и продолжали еще больше зеленеть. Человек из Скотланд-Ярда отгосился к нему с явным презрением. Терпение майора Нормана тоже, казалось, вот-вот лопнет. Да и мне самому думалось, что время тянется бесконечно долго. Наконец, я поднялся и на цыпочках подошел к окну. Дело прини-

мало щекотливый оборот. Втайне я беспокоился за своего друга. Если уж он терпит крах, то, по мне, лучше было бы признать это, по крайней мере, не в столь странной форме. Через окно я смотрел на лодки, лежащие прямо на набережной. Вдруг голос Пуаро заставил меня вздрогнуть:

— Друзья мои, все в порядке!

Я обернулся. Пуаро необычайно изменился; его глаза возбужденно блестели.

— О, каким же я был глупцом! Наконец-то меня осе-нили!

Майор Норман пошел к двери:

— Сейчас вызову машину.

— В этом нет необходимости. Мне она не нужна. Ве-тер, слава богу, стих.

— Вы хотите сказать, что пойдете пешком?

— Нет, мой юный друг. Я не святой Петр. Но ведь я лучше поплыву на корабле.

— Поплывете по воде?

— Да. Чтобы работать методично, надо начинать с исходного пункта. А исходный пункт нашей истории находится в Англии. Поэтому мы сейчас возвращаемся в Англию.

Через три часа мы снова стояли на вокзале Черинг-Кросс. К нашим стенам и сетованиям во время поездки Пуаро оставался глух. Снова и снова он уверял нас, что если начать с исходного пункта, то это будет не потеря времени, а единственно правильный путь. По дороге он тихим голосом беседовал с Норманом, и тот в Дувре отправил массу телеграмм. На основании особого документа, который предъявлял Норман, мы добрались в рекордно быстрое время. В Лондоне нас ожидала большая полицейская машина и несколько агентов в штатском. Один из них передал моему маленькому другу плотно написанный листок. Я возросительно посмотрел на Пуаро.

— Список сельских больниц к западу от Лондона. Я затребовал его по телеграфу из Дувра.

Мы промчались по улицам Лондона, затем — по дороге в Бат, дальше — через Хаммерсмит, Чисвик и Брендфорд. Постепенно до меня дошло, куда мы направляемся. Через Виндзор и дальше в Аскот. Мое сердце взволнованно забило. В Аскоте ведь жила тетка Даниэлса. Значит, мы идем по его следам, а не О'Мэрфи.

Мы остановились у ворот прелестной виллы. Пуаро выскочил из машины и позвонил. Выражение его лица стало мрачным; казалось, он был недоволен собой. Наконец ворота открылись, и он скрылся за ними. Немного спустя он появился вновь, забрался в автомобиль и уныло покачал головой. Мои надежды пошатнулись. Минуту уже четыре часа. Если он искал доказательства вины Даниэлса, то это вряд ли было полезным, поскольку не принесло бы сведений о том, где спрятан премьер-министр.

На обратном пути в Лондон мы часто останавливались, большей частью в стороне от главной дороги у маленьких больничных домиков. Каждый раз, когда Пуаро выходил из небольшого помещения больницы, он казался мне все более и более сияющим и самодовольным.

Он пошептался с Норманом, после чего тот сказал:

— Да. Поворачиваем налево. Они ждут у моста.

Мы поехали окольным путем. Нас поджидал автомобиль с двумя мужчинами в штатском. Пуаро вышел, сказал им несколько слов, и мы поехали дальше в северном направлении. Другая машина следовала за нами. Целью нашей поездки было, очевидно, одно из северных предместьев Лондона. Наконец мы остановились у ворот большого дома, что стоял у дороги.

Норман и я остались сидеть в машине, а Пуаро вместе с одним из детективов подошли к двери и позвонили. Им открыла миловидная горничная. Детектив сказал:

— Я офицер полиции и имею ордер на обыск этого дома.

Девушка вскрикнула. За ее спиной появилась крупная, очень красивая дама средних лет.

— Закройте двери, Эдит. Наверное, это попрошайки.

Однако Пуаро быстро просунул ногу в дверь и одновременно засвистел в свисток. Тотчас другие детективы вбежали в дом, и дверь за ними закрылась.

Мы с Норманом сидели в машине примерно минут пять и проклинали свое бездействие, пока дверь снова не открылась. Оттуда вышли детективы, сопровождав трех

арестованных — женщину и двух мужчин. Женщину и одного мужчину посадили во второй автомобиль. Другого Пуаро собственноручно подвел к нашей машине.

— Я поеду в той машине, друг мой, — обратился ко мне Пуаро. — Присматривайте хорошенько за этим господином. Вы его не знаете, нет? Хорошо, тогда позвольте вам представить: это мсье О'Мэрфи.

О'Мэрфи? Я уставился на него, открыв рот. На нем не было наручников, да он и не производил впечатления человека, который мог бы попытаться бежать. Он сидел буд-то оглушенный и смотрел прямо перед собой.

К моему удивлению, мы поехали еще дальше в северном направлении.

Значит, мы не будем возвращаться в Лондон. Внезапно, когда машина снизила скорость, я заметил, где мы находимся. Перед нами простирался аэродром Гендон. Теперь я понял замысел Пуаро. Он собрался лететь во Францию. И эта идея показалась мне непрактичной. Телеграмма ведь идет быстрее. А время не терпит!

Мы остановились, майор Норман выпрыгнул из машины, а его место занял полицейский в штатском. Норман несколько минут поговорил с Пуаро и затем быстро убежал.

Я тоже вышел из машины, взял Пуаро за руку и сказал:

— Поздравляю, старина! Вы нашли тайник? Надо телеграфировать во Францию; если вы полетите сами, то можете опоздать.

Пуаро пристально посмотрел на меня.

— К сожалению, друг мой, есть вещи, которые нельзя передать телеграммой.

В этот момент вернулся Норман в сопровождении молодого офицера, одетого в летный костюм.

— Это капитан Лоял, который доставит вас во Францию. Он может стартовать немедленно.

Пуаро посмотрел на свои старомодные часы и пробурчал себе под нос:

— Да, время еще есть — времени вполне достаточно.

— Потом он поднял глаза и вежливо поклонился молодому летчику. — Благодарю вас, монсеньор. Но вашим пассажиром буду не я, а вот этот господин.

Он сделал шаг в сторону и пригласил из темноты высокого мужчину, того, который вместе с Пуаро ехал во втором автомобиле. Когда свет упал на его лицо, от удивления у меня захватило дух. ЭТО БЫЛ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР.

— Ради всего святого, расскажите мне, — вскричал я нетерпеливо, когда мы вместе с Пуаро и Норманом ехали обратно в Лондон. — С какой божьей помощью вы сумели вернуть его в Англию?

— В этом не было необходимости, — сухо заметил Пуаро. — Премьер-министр не покидал Англию. Он был похищен уже по дороге из Виндзора в Лондон.

— Как?

— Сейчас все объясню. Премьер-министр сел в свой автомобиль, рядом находился его секретарь. Внезапно к его лицу был прижат платок с хлороформом.

— Но кем?

— Умным полиглотом — капитаном Даниэлсом. Когда премьер-министр потерял сознание, Даниэлс взял переговорную трубку и приказал О'Мэрфи на следующей развилке повернуть направо. Ничего не подозревающий шофер так и сделал. На этой пустынной дороге стояла большая машина, как будто бы сломавшаяся. Ее шофер сделал О'Мэрфи знак остановиться. Был густой утренний туман. О'Мэрфи поехал очень медленно. И когда незнакомец подошел ближе, он выглянул из окна. И тут, вероятно, с помощью быстродействующего одурманивающего средства, например, этилхлорида — трок был повторен. Через несколько минут находившихся в бессознательном состоянии мужчин вытолкнули из машины и посадили в другой автомобиль. А их места заняли двое других.

— Невероятно!

— Вы разве не видели в музыкальных салонах имитаторов, которые подражают знаменитостям? Английского премьер-министра имитировать намного легче, чем, скажем, мистера Джона Смита из Кляпхема. Никто не мог увидеть подмены О'Мэрфи, — так с Черинг-Кросса тот, другой, прямоком поехал к месту встречи со своими друзьями. Он вошел туда как О'Мэрфи, а вышел как совсем

другой человек. О'Мэрфи исчез и оставил после себя явно возбуждающий подозрение след.

— Но ведь мужчину, игравшего роль премьер-министра, должен же был кто-нибудь увидеть!

— Никто из тех, кто его хорошо знал, Даниэлс по возможности оберегал его от любого контакта. Кроме того, все, что касалось его лица, любые необычные реакции можно было объяснить шоком, который он испытал от попытки убийства. К тому же мистер Мак-Адам из-за частых выступлений сорвал голос. До Франции весь этот маневр с подменой можно было осуществить довольно просто. Там, разумеется, это стало бы невыполнимым — поэтому премьер-министр исчезает. Английские полицейские поспешно едут во Францию, и никто не предпринимает усилий, чтобы точнее перепроверить детали первого нападения. Чтобы сделать сказку о похищении во Франции более достоверной, Даниэлс профессионально связали и оглушили.

— А мужчина, который играл роль премьер-министра? — Сбросил свою маскировку. Вместе с фальшивым шофером он мог попасть под подозрение и оказаться арестованным, но ведь никто не знал, какую они оба сыграли роль, и, скорее всего, их пришлось бы вскоре освободить за отсутствием доказательств.

— А настоящий премьер-министр?

— Он и О'Мэрфи были прямиком доставлены к «миссис Эверард», так называемой «тете» Даниэлса, в Хэмпстед.

В действительности эту даму зовут Берта Эбенталь, и она уже в течение долгого времени разыскивалась полицией. Вот был подарок для Скотланд-Ярда — не говоря уже про Даниэлса! О, у него был великолепный план, но наш полиглот не принял в расчет ум Эркулеса Пуаро!

На этот раз я легко простил моему другу приступ тщеславия. Я только спросил:

— Когда же вы начали постигать суть этого дела?

— Когда я начал действовать в правильном направлении — стал размышлять! Я не мог начать действовать с этого покушения на убийство — пока мне не стало ясно, что его единственным результатом явился тот факт, что премьер-министр вынужден был ехать во Францию с перевязанным лицом. И тут я начал все понимать. Когда же во всех сельских больницах между Виндзором и Лондоном я получил подтверждение, что никто, соответствующим описаниям, не просил сделать ему в то утро перевязку лица, у меня появилась уверенность! Все остальное было уже просто детской игрой!

На следующее утро Пуаро показал мне телеграмму, которую он только что получил. В ней не было адреса отправителя и подписи. Она гласила: «ВОВРЕМЯ».

В тот же день вечерние газеты поместили сообщение о конференции. Особенно бурную овацию они устроили зажигательной речи мистера Мак-Адама, которая произвела на всех глубокое впечатление.

Пер. Д. МИФОНОВА.

ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

ВАРИАЦИИ

НА ОДНУ ТЕМУ

Художник И. ВЛАСОВА.

ПОЛОЖЕНИЕ было ненормальным. Пенн Моултон постиг это в ту самую минуту, когда констатировал, что влюблен в Джинни Острэндер — супругу Дэвида Острэндера. Ему было тяжело чувствовать себя в роли разрушителя семьи, хотя Джинни и говорила, что уже давно собиралась развестись с Дэвидом — еще до того, как встретила Пенна.

Но Дэвид не желал давать развода. Будучи человеком воспитанным, Пенн видел единственный выход — он должен исчезнуть, пока у Дэвида не возникло подозрений.

Пенн поднялся по лестнице на третий этаж, где была комната Джинни, и постучал в дверь. В ответ раздался ее веселый высокий голос:

— Пенн, это ты! Бходи!

Она сидела на кушетке, освещенная солнцем, одетая в желтую блузку и черные обтягивающие брюки, и пришивала пуговицу к рубашке Дэвида.

— Скажешь, я не похожа на идеальную хозяйку дома? — спросила она кокетливо и убрала длинные светлые волосы со лба. — Может, и тебе пришить какую-нибудь пуговку, милый!

Иногда она изывала его «милым» даже в присутствии Дэвида.

— Нет, спасибо, — улыбнулся он в ответ и опустил на пуфик.

Она взглянула на дверь, как будто желая удостовериться, что никого нет поблизости, затем сделала губы бантиком и послала ему воздушный поцелуй.

— Я ужасно буду скучать без тебя в этот уик-энд. В каком часу едешь?

— Дэвид хотел, чтобы мы отправились сразу после обе-

да. Это последнее его поручение. Я увольняюсь.

— Ты увольняешься!

Ее шитье упало на колени.

— Ты уже сказал об этом Дэвиду?

— Нет, скажу завтра. Я не знаю почему это так тебя удивляет. Причина — ты, Джинни. Думаю, долгих объяснений здесь не требуется.

— Понимаю, Пенн. Ты же знаешь, я просила у Дэвида развод. Я буду просить еще. Я что-нибудь придумаю, и тогда...

Она упала перед ним на колени, схватила за руки, уронила голову на грудь и горько заплакала. Он отвел глаза в сторону, медленно встал и поднял ее с колен.

— Я, вероятно, останусь еще на две недели, пока Дэвид не закончит свою книгу. Но не беспокойся, я не скажу ему, почему увольняюсь.

— Можешь и сказать почему, мне это без разницы! — заявила она дерзко.

— И без того просто чудо, что он все еще ничего не замечает.

— А ты сможешь быть где-нибудь неподалеку от меня, скажем, ближайше три месяца, на тот случай, если мне все-таки удастся добиться развода! — спросила она.

Пенн кивнул. Ее голубые глаза смотрели прямо на него.

— Вспомни тот сон, который ты нам рассказывал — про человека, с которым ты шел вдоль сельской дороги и который вдруг исчез. Ты звал его, звал, но так и не смог найти.

— Помню, — откликнулся он с улыбкой.

— Я хочу, чтобы этот сон стал явью. Я хочу, чтобы Дэвид и ты пошли по дороге и Дэвид исчез, уже в этот

уйк-энд, навсегда и навечно. И тогда я смогла бы быть с тобой.

Слова ее произвели на него странное и пугающее впечатление.

— Так просто люди не пропадают. Есть ведь и другие способы... Он собирался добавить, что, например, развод, но промолчал.

— Какие же, например!

— Лучше уж я вернусь к своей пишущей машинке. Мне еще надо расшифровать и перепечатать диктофонную запись на полчаса.

ДЭВИД и Пенн уехали в черном «кабриолете» — с двумя маленькими чемоданчиками, пишущей машинкой, диктофоном и переносным холодильником. Дэвид пребывал в прекрасном расположении духа и говорил о сюжете новой книги, пришедшей ему этой ночью.

Дэвид Острэндер писал научно-фантастические романы, причем в таких количествах, что ему приходилось пользоваться кучей псевдонимов. Ему редко требовалось больше месяца, чтобы закончить книгу, а работал он двенадцать месяцев в году. У него было множество идей, больше, чем он мог реализовать, и он имел обыкновение делиться ими с другими писателями на регулярных встречах, происходивших по средам.

Дэвиду Острэндеру исполнилось сорок три. Он был строен и жилист. Лицо его, узкое и аскетичное, казалось, высушенным и было изборождено множеством тонких морщинок. Эти морщинки были единственным свидетельством его возраста. Могло показаться, что все сорок три года своей жизни он провел на сухом безжизненном ветру тех фантастических планет, о которых писал.

Джинни исполнилось двадцать четыре, на два года меньше, чем Пенну. Ее кожа была тонкой и нежной, а губы походили на лепестки мака. Бог мой, сказал Пенн, я же навсегда запретил себе думать о ней. Ему было больно знать, что эти губы целует Дэвид. Как ее угораздило выйти за него замуж! Может, было что-то такое в интеллекте Дэвида, в его горьком юморе, в его неукротимой энергии, что могло привлечь женщину!

— Ну, а что вы скажете на это, Пенн! Синие-зеленые водоросли выделяют ядовитый газ, который со временем уничтожит на Земле всю растительность подчистую. В каких эмпириях вы сегодня витаете!

— Я все слышал, — сказал Пенн, не отрывая взгляда от дороги. — Мне следует записать эту идею!

— Да. Впрочем, нет. Я еще подумаю над ней.

Дэвид закурил сигарету.

— И все-таки голова у вас чем-то занята, Пенн. Чем же! Руки Пенна сжали руль еще сильнее. Более удобного момента могло и не выпсть.

— Дэвид, когда эта книга будет готова, я покину вас, — сказал он решительно.

— О! — откликнулся Дэвид, не высказав, однако, особого удивления. Он глубоко затынулся. — А что, на это есть какая-то особая причина!

— Да. Мне захотелось самому написать книгу.

— Мне будет не хватать вас, — сказал Дэвид, помолчав. — И Джинни тоже. Она вас очень любит.

В устах любого другого мужчины это замечание прозвучало бы по меньшей мере двусмысленно, но — только не в устах Дэвида, который часто поощрял Пенна, чтобы тот проводил больше времени с Джинни, совершал с ней долгие прогулки и играл в теннис.

— Мне тоже будет не хватать вас обоих, — заверил Пенн. — Разве я променял бы ваше очаровательное общество на скучную квартиру в Нью-Йорке без крайней необходимости!

— Ладно, не витийствуйте, Пенн. Мы достаточно хорошо знаем друг друга, чтобы витийствовать.

Дэвид потер нос пальцем, пожелтевшим от никотина.

— А что вы скажете на такое предложение: я буду загружать вас только до обеда, а вторую половину можете заниматься собственной работой!

Пенн вежливо отказался, пояснив, что просто намерен на некоторое время уехать.

— Джинни это сильно расстроит, — сказал Дэвид.

ДО ОХОТНИЧЬЕГО домика они доехали уже на закате. Это был маленький и уютный домик из неотесанных бревен. Внутри — камин из камня. Встали безрез и огромных елей тихо пошевеливал осенний бриз. Когда они разобрали багаж и разожгли огонь в камине, чтобы поджарить мясо, минуло семь. Дэвид больше молчал, но, кажется, пребывал в веселом расположении духа, будто разговора с Пенном и не было. Перед ужином они пропустили по две порции виски — предельный лимит Дэвида, особенно в те дни, когда он еще собирался работать.

Дэвид, сидя напротив за массивным столом из дерева, бросил на Пенна вопросительный взгляд.

— Вы уже сказали Джинни, что намерены нас оставить!

Пенн кивнул, и ему большого труда стоило проглотить кусок. Он вдруг пожалел, что ответил так. Надо было сказать, что еще не говорил. Естественней было бы вначале сообщить об этом своему работодателю. Взгляд Дэвида выдал, что он тоже задал себе этот вопрос.

— И как же она отнеслась к этому!

— Сказала, что сожалеет о моем отъезде, — проговорил Пенн, изо всех сил стараясь сохранить безразличный тон и делая вид, что всецело поглощен разрезанием мяса.

— Только-то и всего! Я уверен, что для нее это настоящая трагедия!

Пенн весь сжался, словно в него воткнули нож.

— Я ведь не слепой, Пенн. Я знаю, что вы оба воображали, что влюблены друг в друга.

— Послушайте, Дэвид, всего минуту, не перебивая, Если вы думаете...

— Я знаю то, что знаю, и мне этого достаточно! Я знаю, что творится за моей спиной, пока я сижу в своем кабинете или езжу на писательские собрания!

В глазах Дэвида засверкали голубые искры, такие же ледяные, как лунные огни в его писаниях.

— Дэвид, ничего за вашей спиной не творится, — сказал Пенн преувеличенно спокойным голосом. — А если сомневаетесь, спросите Джинни.

— Ха!

— Во всяком случае, теперь вы поняли, почему мне лучше уехать. Думаю, вы должны признать это.

— Да уж, как не признать!

Дэвид закурил сигарету.

— Я сожалею, что дело зашло так далеко, — сказал Пенн. — Джинни очень молода. И кроме того, ей довольно скучно. Я не хочу сказать — скучно с вами. Ей скучно вообще, скучна сама жизнь, которой вы ее заставили жить.

— Покорно благодарю!

Слова Дэвида ретанули, как удар хлыстом.

Пенн тоже закурил. Оба встали из-за стола. Ни тот, ни другой почти не притронулись к еде. Пенн молча наблюдал, как Дэвид молча метается по комнате. Этот человек был непредсказуем. Впрочем, вспышку гнева нынче вечером следовало ожидать. Другое дело, что Пенн наблюдал ее в первый раз.

— Ну хорошо, Дэвид, я повторю еще раз, что сожалею о происшедшем. И тем не менее, вы не имеете никаких оснований злиться на меня.

— Прекратите эту идиотскую болтовню! Неужто я сам не распознаю негодяя, когда он стоит передо мной!

— Будь вы в той же весовой категории, что и я. — закричал Пенн, не в силах более сдерживаться, и шагнул к нему, сжав кулаки, — я бы вам сейчас все кости переломал! Чего вы, собственно, ожидали, поручая скучающую симпатичную супругу своему секретарю-мужчине! Сейчас вы не вправе винить ни ее, ни меня!

Дэвид что-то буркнул себе под нос, повернулся и сказал:

— Пойду пройдуся.

ПЕНН механически стал убирать со стола. Сразу по приезде они включили холодильник, и Пенн аккуратно положил туда еду. Мысль о том, что придется провести ночь под одной крышей с Дэвидом, была ужасна, но куда деваться! Ближайший город в восьми километрах, а машина у них одна на двоих.

Внезапно дверь распахнулась. Пенн чуть не сыронил кофейник.

— Пойдем проветримся! — сказал Дэвид. — Это будет на пользу нам обоим.

Он сказал это совершенно серьезно, без тени улыбки. Пенн поставил кофейник на печку. Гулять с Дэвидом ему хотелось меньше всего, но отказать он не отважился.

— А у вас есть фонарик!

— Нет, но его и не требуется. Светит луна.

Они вышли, дошли до машины и зашагали по дороге, которая вела через лес к автострате.

— У нас сейчас полнолуние, — пояснил Дэвид. — Вам не составит труда проделать небольшой эксперимент! Пройдите вон туда, где достаточно светло, я хочу поглядеть, насколько мне удастся различить ваше лицо и узнать вас с расстояния в тридцать метров. Это для рассказа, про Фаро.

Пенн кивнул. Стало быть, они вернулись к работе над книгой, и, может быть, им удастся сегодня еще поработать несколько часов. Это был бы наилучший выход. Пенн начал считать, делая большие шаги.

— Вот так, отлично, идите, идите! — крикнул Дэвид ему вслед. Пройдя тридцать метров, Пенн остановился и повернулся кругом. Дэвида не было.

— Эй! Вы где!

Никакого ответа.

Пенн вымученно улыбнулся:

— Вы видите меня, Дэвид!

Молчание. Пенн медленно двинулся назад. Маленькая шутка, подумал он. Несколько оскорбительная шуточка, но лучше не обращать внимания.

Он вернулся к охотничьему домику, так как был уверен, что Дэвид уже там. Наверное, уже расхаживает по комнате, размышляя о новой книжке, а может, даже начал наговаривать на диктофон. Но когда Пенн вошел в дом, там было пусто.

Пенн закурил сигарету и, взяв газету, опустился в кресло. Он старательно пытался понять смысл написанного, докурив сигарету до фильтра, сбжег пальцы и закурил новую. Докурив и ее, встал. Он был страшно сердит и расстроен одновременно. Подошел к двери и крикнул с порога:

— Дэвид!

Он крикнул что было сил, потом подошел к машине и заглянул внутрь. Вернувшись в домик, Пенн методично обыскал его, даже косморгел под кроватью.

Что Дэвид задумал! Вернуться посреди ночи и убить его спящего! Нет, это было бы уж совсем безумно. Впрочем, его писательская фантазия тоже достаточно безумна...

Вдруг Пенн вспомнил тот свой сон. Он вспомнил, какой острый интерес мгновенно вспыхнул в глазах Дэвида, стоило ему этот сон рассказать.

— Кто был тот человек, который шел с вами! — спросил тогда Дэвид. Но Пенн во сне не мог разобрать, кто это был. Кто-то вообще. Непонятно, кто.

— Наверное, это был я, — сказал Дэвид, и в глазах его сверкнули голубые молнии. — Наверное, у вас есть подсознательное желание, чтобы я исчез, Пенн.

Пенн оторвал от себя эти мысли. Наверное, Дэвид спустился к озеру, чтобы немного побыть в одиночестве, просто не сказал ему. Пенн вытер посуду, сходил в душ и залез в постель. Было десять минут первого. Он думал, что всю ночь не сможет сомкнуть глаз, но две минуты спустя уже спал.

Хриплые крики диких уток разбудили его в половине седьмого утра. Он надел халат и отправился в ванную. Полотенце Дэвида было нетронутым. Пенн подошел к комнате Дэвида и постучал. Затем приоткрыл дверь и заглянул в щель. Кровать стояла заправленная. Пенн наскоро умылся, оделся и вышел на улицу.

Он обошел все кругом. Он искал следы на влажном ковре из слесых иголок. Спустился к озеру и обследовал бо-лотистый берег, но не нашел ничего — ни следа, ни окурка.

БЫЛО семь тридцать, когда он поехал на машине в ближайший городок. Он отыскал прямоугольную вывеску «Полиция», припарковал машину, вошел в участок и рассказал всю историю. Он ожидал, что полиция будет обыскивать охотничий домик. Так оно и вышло.

Оба они слышали о Дэвиде Острэндере раньше, но не как о писателе, а как о владельце одного из немногих охотничьих домиков в этих краях. Пенн показал им место, где он в последний раз видел Дэвида, и объяснил, что тот хотел проэкспериментировать — выяснить, как видно человека при луне с расстояния в тридцать метров.

— Как долго вы проработали у мистера Острэндера!

— Четыре месяца.

— Он был выпиваш!

— Он выпил две порции виски. Это его норма. Я выпил столько же.

Затем они спустились к озеру.

— Мистер Острэндер женат! — спросил один из них.

— Да, его жена дома. У них городской дом в Стоунбридже, штат Нью-Йорк.

— Тогда лучше будет оповестить ее.

В охотничьем домике телефона не было. Пенн хотел остаться на случай, если Дэвид все-таки объявится, но полицейские предложили поехать с ними в участок, и Пенн не стал возражать. По крайней мере, там он будет присутствовать при телефонном разговоре с Джинни, да и сам сможет сказать ей пару слов.

Конечно, не исключалась возможность, что Дэвид решил вернуться в Стоунбридж и уже находится дома. Автострада проходила всего в пяти километрах, и Дэвид мог сесть на автобус или «проголосовать», чтоб его подвезли. С другой стороны, Пенн не мог себе представить, чтобы Дэвид Острэндер поступил столь примитивно.

— Послушайте, — обратился Пенн к полицейским, прежде чем сесть в машину Дэвида. — Мне кажется, я должен сказать вам, что у мистера Острэндера есть некоторые странности. Я, правда, не знаю, зачем это нужно ему, но думаю, что вчера вечером он пропал намеренно.

Полицейские задумчиво посмотрели на него.

— О'кей, мистер Ноултон, — сказал один из них. — Поезжайте перед нами.

ВЕРНУВШИСЬ в участок, полицейский набрал номер, который им дал Пенн. Трубку взяла Ханна, служанка. Пенн, стоя в двух шагах от аппарата, мог различить ее резкий голос с сильным немецким акцентом. Потом к телефону подошла Джинни.

Полицейский сообщил ей, что Дэвид Острэндер исчез в десять часов минувшей ночью, и спросил, нет ли у нее каких-либо известий от мужа. Голос Джинни звучал испуганно. Пока полицейский слушал ее, он не сводил глаз с Пенна.

— Да... Как вы сказали!.. Нет, никаких следов крови или чего-то в этом роде. Поэтому мы вам и звоним.

Затем полицейский надолго умолк. Он постукивал карандашом по бумаге, но ничего не записывал.

— Понимаю... понимаю... Мы дадим вам знать, миссис Острэндер.

— Можно мне поговорить с ней!

Пенн потянулся к телефонной трубке.

Полицейский поколебался было, но сказал:

— До свидания, миссис Острэндер.

И позволил трубку.

— Итак, мистер Ноултон, можете ли вы поклясться, что история, рассказанная вами, соответствует действительности!

— Абсолютно.

— Судя по тому, что я сейчас услышал, у вас были очень серьезные основания устранить мистера Острэндера. Вы это сделали!

Полицейский оперся о стол и навис над Пенном.

— Это вам сказала миссис Острэндер!

— Она сказала, что вы влюблены в нее и она опасается, как бы у вас не возникло желания устранить ее мужа.

Пенн пытался сохранять спокойствие.

— Я собирался уволиться, чтобы избежать этой ситуации, и вчера сообщил мистру Острэндеру, что увольняюсь, то же самое сказал его жене днем раньше.

— Значит, вы открыто признаете, что такая ситуация была!

Полицейских в комнате стало уже четверо, и все они недоуменно всирали на него.

— Миссис Острэндер, естественно, взволнована, — сказал Пенн. — Она не понимает, что говорит. Разрешите мне, пожалуйста, переговорить с ней.

— У вас будет такая возможность, когда она придет сюда.

Полицейский снова сел и взял в руку карандаш.

— Ноултон, мы задерживаем вас по подозрению в убийстве. Сожалею, но мы вынуждены это сделать.

Они допрашивали его до часу дня. Затем принесли ему бутерброд с колбасой и картонный стаканчик с жидким кофе. После обеда снова спрашивали, не было ли в охотничь-

ем доме ружья, не бросил ли он труп Дэвида в озеро вместе с ружьем, из которого застрелил его.

— Вы же сами сегодня обошли пол озера, — отвечал им Пенн. — Разве там были какие-то следы?

К этому моменту он уже рассказал им про свой сон и выразил предположение, что Дэвид Острэндер, возможно, пытался превратить сон в действительность, но это соображение только вызвало у полицейских недоверчивые улыбки. Рассказал о чувствах, которые питал к Джинни, равно как и о надеждах, которые были разны нулю.

Пенн не сказал, что Джинни призналась ему в ответной любви. Он был не готов выложить этим хладнокровным чиновникам самое сокровенное.

Они занялись его прошлым. Он родился в Релее, штат Вирджиния, после окончания университета защитил диссертацию, год работал журналистом в Салтиморской газете и после этого четыре года прослужил в береговой страже. Весьма достойный путь — по крайней мере, полицейские ему поврилли, кажется.

Но странное дело — они совершенно не верили в его безупречно-благодарное поведение по отношению к Острэн-

деру. Он был влюблен в миссис Острэндер и, несмотря на это, хотел уволиться! И не строил никаких планов на будущее, связанных с ней!

— Ну, спросите тогда ее, в конце концов! — устало сказал Пенн.

— Спросим и ее, — ответил полицейский, которого остальные звали Мак.

— Она знает и про сон, о котором я вам рассказывал, — продолжил Пенн.

— Вот что, Ноултон, — сказал Мак. — Нас не интересуют какие-то глупые сны. Нас интересуют факты.

ДЖИННИ приехала после трех. Пенн увидел ее через решетку камеры, в которую его заперли. У него вырвался вздох облегчения. Она выглядела совершенно спокойной и полностью владела собой. Полицейские уведели ее в другую комнату и беседовали там минут десять. Потом они вернулись и открыли дверь камеры Пенна. Когда он подошел к Джинни, она смерила его взглядом, полным такой ненависти, что у него все оборвалось внутри. Он хотел было сказать «Привет, Джинни!» — но слова застряли в горле.

— Миссис Острэндер, повторите, пожалуйста, что он сказал вам позавчера, — предложил Мак.

— Да, я могу повторить. Он сказал мне: «Я хочу, чтобы Дэвид исчез, как тот человек в моем сне. Я хочу, чтобы он исчез из моей жизни, чтобы мы смогли быть вместе».

Пенн изумленно уставился на нее.

— Джинни! Но ведь это сказала ты, а не я!

— Вот что! Единственное, чего мы все здесь хотим — узнать от вас, Ноултон, что вы сделали с моим мужем!

— Джинни, — проговорил Пенн в полном отчаянии. — Я не знаю, зачем ты все это говоришь. Я могу повторить любое слово из нашего разговора позавчера вечером, начиная с того момента, как я сказал тебе об увольнении.

— Мой муж просто вышвырнул его из-за чересчур большого внимания, которое он уделял мне!

Джинни зло посмотрела вначале на Пенна, затем на всех вокруг. Пенн почувствовал, что ему становится дурно. Джинни вела себя как сумасшедшая, или как жена, полагающая, что перед ней убийца ее мужа. Он вспомнил о ее чудовищном самообладании. Как-то раз он поцеловал ее, а буквально секунду спустя вошел Дэвид. Джинни и бровью не повела. Она — прирожденная актриса. И сейчас тоже разыгрывает спектакль перед ним и перед полицейскими.

— Это ложь, — сказал Пенн. — И ты знаешь это.

— И то, что она сказала про ваше намерение избавиться от ее мужа — тоже ложь! — спросил Мак.

— Это она выражала такое намерение, а не я, — сказал Пенн, у которого подгибались колени. — Именно потому я и хотел уволиться. Я не хотел разрушать семью, которая...

Внимательно слушавшие полицейские разом улыбнулись.

— Мой муж и я очень любили друг друга, — сказала Джинни. Потом спустила голову и горько зарыдала. Получилось очень натурально.

Пенн повернулся к столу.

— Ну хорошо, запирайте меня. Я с удовольствием останусь здесь, пока Дэвид Острэндер не объявится — готов держать пари, что он жив.

ПЕНН прижал ладони к холодной стене камеры. Что за странная женщина эта Джинни! Выходит, она все же любила Дэвида. Может быть, за его талант писателя, или за дисциплину и работоспособность. Или за то, что он любит ее. А что она представляла собой, в конце то концов!

Симпатичная молодая женщина, не снискавшая признания на актерском поприще. Женщина, интересы которой не настолько богаты, чтобы она умела занять себя, пока ее муж по двенадцать часов в сутки работает. Потому и начала флиртовать с секретарем мужа.

Пенн вспомнил, как Джинни рассказывала ему, что пять месяцев назад уволился их шофер. С тех пор муж так и не нанял нового. Пенн спросил себя: а не по той же самой причине он уволился! Или его выгнал Дэвид! Пенн мало-помалу вообще уже перестал верить всему, что ему когда-либо рассказывала Джинни.

Вдруг кошмарная мысль пришла ему в голову.

Что, если Джинни совсем не любила мужа! И когда сегодня ехала в Кройдон — вернулась в охотничий домик,

встретила его и застрелила! Или, может, встретила его в лесу или где-то поблизости и подстроила все так, чтобы труп нашли позднее, а убийство приписали ему! И она бы разом отделилась и от него, и от Дэвида! Вдруг дома у них, в Стоунбридже, и в самом деле было ружье, которое она взяла с собой!

Любила Джинни Дэвида или ненавидела! От ответа на этот мучительный вопрос сейчас зависела судьба Пенна. Ведь если Джинни сама убила мужа... И все-таки: как в таком случае объяснить добровольное исчезновение Дэвида прошлой ночью!

Пенн услышал шаги в коридоре. Прямо перед его камерой остановился Мак.

— Вы сказали правду, Ноултон! — спросил он неуверенно тихим голосом.

— Да.

— Тогда самое худшее, что вам грозит, — провести в тюрьме денек-другой, пока Острэндер не отыщется.

— Я надеюсь, вы его ищете!

— Ищем по всей стране и будем искать по всему свету, если понадобится.

Он собрался было идти, но обернулся.

— Вот что. Принесу-ка я вам что-нибудь почитать. Если у вас, конечно, есть настроение.

Все следующее утро вестей не было. Потом, около четырех дня, пришел полицейский и открыл дверь камеры.

— Что случилось? — спросил Пенн.

— Острэндер появился у себя дома, в Стоунбридже, — сказал полицейский и слегка улыбнулся. Пенн улыбнулся тоже и пошел за ним в помещение участка.

Мак приветствовал его кивком.

— Мы как раз звонили домой мистеру Острэндеру. Полчаса назад он пришел домой. Говорит, что устроил длительную прогулку, чтобы поразмышлять на природе, и совершенно не понимает, почему из-за этого разгорелся такой сыр-бор.

Рука Пенна подрагивала, когда он подписывал бумаги о своем освобождении. Он боялся возвращаться в охотничий домик за вещами. Точно так же его страшила та неотвратимая минута, когда ему придется еще раз появиться в Стоунбридже, чтобы забрать все свое.

«Кабриолет» Дэвида стоял у края тротуара, там, где Пенн припарковал его накануне. Он сел в машину и поехал в направлении охотничьего домика. Там упаковал свои вещи и погрузил чемодан в машину. Диктофон хотел взять тоже, но после некоторых колебаний решил оставить. Что делать с вещами Дэвида, он не знал.

Двигаясь на юг, к Стоунбриджу, Пенн убедился, что не может разобраться в своих чувствах. Он не решил, что должен думать обо всем и как должен на это реагировать. Что делать при встрече с Джинни? Промолчать! Или спросить, почему она так странно вела себя! А при виде Дэвида просто трудно будет удержаться, чтобы не спросить, развеяла ли его эта милая шутка.

Пенн сильно нажал на газ, но вдруг снова резко сбавил скорость.

КАНЕ НЕЛЬЗЯ ВОЛНОВАТЬСЯ, сказал он себе. Я СОВЕРШЕННО СПОКОЙНО ЗАБЕРУ СВОИ ВЕЩИ И ТАК ЖЕ СПОКОЙНО ИСЧЕЗНУ.

В ГОСТИНОЙ горел свет, и в комнате у Джинни тоже. Было около девяти. В это время они обычно заканчивали ужинать и сидели за кофе в гостиной.

Он позвонил.

Дверь открыла Ханна.

— Мистер Ноултон! — воскликнула она. — А мне сказали, что вы уехали совсем.

— Я и уезжаю совсем, — сказал Пенн. — Мне только надо забрать свои вещи.

— Так заходите же, сэр! Мистер и миссис Острэндер в гостиной. Я пойду скажу им!

Но успел он остановить ее, как она неуклюже затопала прочь. Пенн пошел за ней через большое фойе. Он хотел только на секунду взглянуть на Дэвида. Пенн остановился в дверях. Дэвид и Джинни сидели рядышком и смотрели на него. Джинни не выказала ни малейшей реакции, спокойно продолжала курить сигарету.

— Входите, Пенни! — улыбаясь, сказал Дэвид. — Что вы там стоите!

— Я только хотел забрать свои вещи, если позволите.

— Если позволю, — передразнил его Дэвид. — Конечно, позволю, Пенни!

Он встал и взял за руку Джинни, чтобы продемонстрировать Пенну, насколько они сблизились в последнее время.

— Где вы прятались нынче ночью, Дэвид!

— Спрятался! Нигде! — хихикнул тот. — Просто я решил чуточку прогуляться. Мне хотелось узнать, что из этого выйдет. Все вышло так, как я и предвидел.

— Как это надо понимать!

Руки Пенна дрожали, когда он открывал верхний ящик.

— Мне хотелось посмотреть, как поведет себя Джинни, — сказал Дэвид. — Я знал, что она будет не на вашей, а на моей стороне. Вы были идиотом, когда думали, что она разведется со мной, чтобы принадлежать вам. Абсолютным идиотом!

Пенн повернулся с кипой аккуратно сложенных рубашек в руках.

— Слушайте, Дэвид. Я не собираюсь претендовать на Джинни, я просто хочу исчезнуть отсюда.

— Не рассказывайте мне сказок! Вы все время флиртовали тут за моей спиной, за спиной того, кто дал вам работу! Эти штучки случались и раньше!

Пенн с размаху бросил рубашки в чемодан.

— Как это понимать! Какие «штучки случались и раньше»!

— А с нашим прежним шофером. И с моим прежним секретарем. Я даже взял бы секретаршу, знаете ли, но Джинни просто обожает такие маленькие драмы. Они нужны нам для того, чтобы острее почувствовать любовь друг к другу. А кроме того, они разгоняют ее скуку. Вы же видели, как чудесно повела себя Джинни по отношению ко мне. Она считает, что вы совершенный идиот.

Дэвид засмеялся и поднес сигарету ко рту. Спустя мгновение кулак Пенна с невероятной силой обрушился на его подбородок. Нос Дэвида мелькнул в воздухе, и голова его глухо стукнулась о стену — в двух метрах от того места, где он стоял.

ПЕНН бросил остатки своих вещей в чемодан и сердито захлопнул крышку. Потом взял чемодан с кровати и пошел к выходу. Вбежавшая Джинни преградила ему дорогу.

— Что ты с ним сделал!

— К сожалению, не то, что мне очень хотелось бы.

Джинни пробежала мимо него к Дэвиду, и Пенн вышел из комнаты.

Ханна, торопясь, поднималась снизу.

— Что-то случилось, мистер Ноултон!

— Ничего серьезного. До свидания, Ханна, — сказал Пенн, пытаясь смягчить интонацию своего голоса.

— Спасибо вам за все! — добавил он, идя ко входной двери.

— Он мертв! — закричала Джинни.

Ханна побежала к ней в комнату. Пенн поколебался было, но все-таки пошел к выходу. Маленькая притворщица!

Все лишь бы разыграть трагедию, хлебом ее не корми!

— Держите его! — продолжала кричать Джинни. — Ханна, он пытается бежать!

Пенн поставил чемодан и пошел обратно. Он собрался поднять Дэвида и подержать его голову под холодной водой.

— Он жив, — сказал Пенн, быстро входя в комнату.

Он нагнулся, чтобы поднять Дэвида, но отдернул руку, так и не коснувшись его. Что-то блестящее торчало у него в горле, и Пенн узнал, что это. Это был его собственный ножичек для разрезания бумаг, который он забыл забрать.

Джинни истерически захохотала, стоя за его спиной. Или это было рыдание!

— Ты чудовище! — закричала она. — Ты хитер, я знаю, ты, конечно, стер отпечатки своих пальцев. Но это тебе не поможет, Пенни! Хайна, сейчас же вызывай полицию. Скажи им, что у нас здесь убийца!

Ханна в ужасе уставилась на нее.

— О, конечно, я вызову полицию, мэм. Но ведь это вы вытирали рукоятку ножика. Вы вытирали ее своим подошом, как раз когда я вошла в комнату!

Пенн посмотрел на Джинни. Да, они, как видно, еще не все сказали друг другу.

Юрий КИРИКОВ

СТРАННОЕ КОРОЛЕВСТВО ЖИЛ-БЫЛ ПРИНЦ

Жил-был принц, любивший путешествовать. И вот заехал он однажды в странное королевство. Когда у крепостных ворот он спросил, как королевство называется, то услышал: «Великие развалины». Принц удивился и поинтересовался, можно ли ему проехать.

— А у вас есть разрешение? — спросил привратник.

— Нет.

Привратник вздохнул и... пошел открывать ворота.

— Все равно вы меня уговорите, — проворчал он.

Принц удивился во второй раз и въехал в королевство. Как ни странно, он не увидел развалин. Наоборот, все строения были крепки и добротны. Тут принц удивился в третий раз — и потом удивлялся постоянно.

Принц, конечно же, направился ко дворцу — засвидетельствовать почтение королю и королеве.

Во дворце его приняли любезно, но к королю с королевой не пустили. Аудиенцию назначили на завтра, а пока отвели в покои для отдыха.

— Почему ваше королевство так странно называется? — спросил принц у слуги, провожавшего его.

— Ничего удивительного, ваше высочество. Когда-нибудь наше королевство кто-нибудь завоеует, оно опустеет, и развалины будут большущие-пребольшущие.

Принц опять удивился. Но еще больше он удивился, когда слуга, в свою очередь, поинтересовался:

— Когда прикажете задать корму вашей добыче для волков? — И слуга похлопал по холке коня принца.

Это показалось принцу очень загадочным.

Проснувшись утром, принц вышел на балкон порадоваться солнцу и вдруг услышал чей-то капризный голосок:

— Кто взял гробик для моей зубной щетки?

Надо сказать, что рядом находились покои здешней принцессы, но принц этого не знал. Одевшись, он, в ожидании завтрака, спустился в сад. И тут чуть не столкнулся с принцессой, которая тоже вышла погулять перед завтраком. Они познакомились и пошли гулять вместе. Пройдясь, они попали на зеленую лужайку, где паслось стадо коров. Принцесса похлопала корову по морде и похвастала:

— А это — мой любимый антрекот.

— Странная кличка, — заметил принц вежливо.

— Кличка? Кличка у него — Буренка.

— А как же — антрекот?

— Ну да. Антрекот Буренка.

Озадаченный принц перевел разговор на другую тему.

— Ах, какое утро! — воскликнул он. — Полюбуйтесь, принцесса, как хороши эти полевые цветы!

Принцесса всплеснула руками:

— Нет, нет, принц! Я совершенно не готова к замужеству! Принц растерялся.

— Извините, принцесса, я не просил вашей руки...

— Тогда зачем вы говорите мне о цветах и погоде? Ведь это значит, что вы хотите сойтись со мной поближе, а через неделю будете просить моей руки! У нас в королевстве принято говорить правду, принц!

Ошарашенный принц не произнес больше ни слова.

После завтрака, когда до аудиенции оставался еще целый час, принц решил побольше разузнать о королевстве. На галерее дворца ему повстречался важный старец. Принц обратился к нему:

— Скажите, как давно существует ваше королевство?

— Оно еще молодо, — ответил старец. — Однако много старше и вас, и меня.

— Тогда что значит — молодо?

— Я имел в виду, что оно много младше хаоса, который нас окружает, и этой померкшей красной звезды.

— Почему вы называете цветущую природу хаосом, а яркое солнце — померкшей звездой?

— В нашем королевстве особенные люди. Мы живем будущим и называем вещи по их сути, — улыбнулся старик.

«Кажется, я что-то начинаю понимать», — подумал принц.

Король с королевой приняли принца очень радушно.

— Добро пожаловать к нам, ваше высочество, — пролепетала королева.

— Примите приветствия от будущего тестя, — сказал король.

Принц рискнул возразить:

— О, ваше величество, почему вы называете себя моим будущим тестем?

— Раз вы посетили наше королевство, вы — потенциальный отец моих внуков. Надо честно глядеть в будущее.

Принц решил ответить королю с королевой на их языке.

— Ваше величество, многоуважаемый будущий труп, — сказал он, обращаясь к королю, — и замер. Но лицо короля неожиданно осветилось улыбкой.

Тогда принц обратился к королеве:

— Ваше величество, будущая немощь!

И королева ласково кивнула.

— Простите мою смелость, но, позвольте быть искренним с вами. Я не хочу смотреть на себя как на жениха, отца или немощного старца. Я не хочу смотреть на цветущую землю как на хаос, на солнце — как на погасшую звезду, а на своего коня — как на добычу для волков. Позвольте мне жить настоящим, а не будущим. Я хочу быть юным принцем, хочу любоваться зеленым лесом и цветущим лугом и доверяться молодому крепкому коню. И потому — позвольте мне оставить ваше королевство.

— Станный молодой человек! — воскликнул король.

— Нам жаль вас! — воскликнула королева.

Принц откланялся и пошел собираться в дорогу.

Выезжая из ворот, принц поинтересовался у привратника:

— Как тебя зовут?

— Прошлогодним летом, ваше величество.

Принц удивился в последний раз, дернул за повод коня и поехал.

Рисунки С. АШМАРИНА.

Гарм Видар

ТИПИЧНАЯ ВНЕШНОСТЬ

Был теплый крымский вечер. Я стоял в пустынной аллее и слушал море. Он возник рядом, причем совершенно бесшумно.

— Здравствуйте, меня зовут Викентий.

Я промолчал, зная, что он от меня все равно не отвяжется. Викентий скосил на меня шальной глаз и торжественно изрек:

— Я — пришелец! — Все мы пришельцы в этом мире, — философски буркнул я.

— Я — пришелец! — настырно повторил Викентий.

— Не местный, что ли?

— Да нет же! Вы не поняли — я пришелец, из другой галактики.

— Из какой это другой?

— Из 273/16-A по Общегалактическому атласу. Это там, — Викентий неопределенно ткнул пальцем куда-то в небо. — Я обратился к вам, потому что у вас типичная внешность, я имею в виду, типичная для землян, представителей галактики 6871/342-K.

— Ну и с чем пожаловали к нам? — спросил я.

— Видите ли, я хочу вас осчастливить... Да, да! Не смейтесь, пожалуйста. У меня с собой продукт моих многолетних научных исследований. — Викентий показал какую-то цветную горошину размером с ноготь. — Я назвал его гипнопед. Вы вкладываете его в ухо

перед сном, а утром встанете обладателем колоссальной по объему и значительности информации. Иначе человечество будет собирать ее по крупичкам не один век. А с нашей помощью ваша цивилизация совершит большой скачок в будущее.

— Понимаю, — Викентий на протяжении всего разговора был отчаянно серьезен. — Вы хотите доказать-

тельств. Ну, во-первых, вы ничем не рискуете. Во-вторых, завтра утром у вас будет возможность во всем убедиться, а кроме того, мое время истекает, и я сейчас исчезну прямо на ваших глазах. Надеюсь, это тоже послужит доводом в пользу правдивости моих слов. — Закончив столь длинную тираду, Викентий как-то сильно побледнел и начал становиться прозрачным...

— В ухо перед... — прошелестел Викентий и исчез.

Я подбросил горошину на ладони:

— Из какой это он там галактики, 273/16-A, по-моему. Да, это уже второй случай. Ох уж эти мне «разносчики информации». Что их только толкает на это? Жажда славы? Хорошо еще, что служба по утечке информации в периферийные слабо-развитые галактики всегда на высоте. А у нас, агентов этой службы, коренных жителей галактики КС-13 К, такая типичная земная внешность.

СОДЕРЖАНИЕ

Стена до окончания мира Винсент Кинг	1
Последний прыжок Фрэнк Куинтон	10
Вечер в византийских Афинах Михаил Пудовкин	12
Гниющий водоем. Из плена (комикс) Игорь Ермаков, Игорь Кожевников	13
Похищенный премьер-министр Агата Кристи	21
Вариации на одну тему Патриция Хайсмит	26
Странное королевство Юрий Кириков	31
Типичная внешность Гарм Видар	32

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» и журналом «Уральский следопыт».

Над семнадцатым выпуском «ПиФа» работали:
М. Пудовкин, С. Казанцев, С. Гаврилова,
Л. Иокитулшо, Н. Зайцева, О. Аржанников, Н. Мухин.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Кооператив «Свиток». 1991 — 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч-изд. л. 4,42
Зак. № 331. Тираж 80 000 экз. Цена 1 руб. 90 коп.
Подписано к печати 22.04.91.

Кооператив «Свиток»
Типография изд-ва «Военный железнодорожник»

Наш адрес: ул. 8 Марта, 205а.
Тел. 25-25-51

Редакционно-издательский кооператив «Свиток» объявляет конкурс по замещению вакантной должности специалиста-полиграфиста для работы по размещению заказов в типографиях.

Обращаться по адресу: г. Свердловск, ул. 8 Марта, 205а. Тел.: 25-25-51.